

наша русь

Вячеслав Фомин

ГОЛЫЙ КОНУНГ

норманизм
как диагноз

Вячеслав Васильевич Фомин
Голый конунг. Норманнизм как диагноз
Серия «Наша Русь»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6056469

Голый конунг. Норманнизм как диагноз / Вячеслав Фомин.: Алгоритм; Москва; 2013

ISBN 978-5-4438-0430-9

Аннотация

Кто были летописные варяги и почему Гитлер был норманнистом? Каково происхождение норманнской теории и за что ее современные сторонники так ненавидят гениального русского ученого Ломоносова? Как фальсифицируют историю России? Ответы на эти и многие другие вопросы читатель найдет в книге доктора исторических наук Вячеслава Фомина, ведущего специалиста по русскому Средневековью. И друзья, и научные оппоненты называют его «современным лидером антинорманнизма». Автор в своей работе наносит сокрушительный удар норманнской теории происхождения Русского государства, полемизирует с ее адептами и жестко критикует «конунга» российских норманнистов Льва Клейна.

Содержание

Часть 1	4
Вначале было слово Клейна	4
Гитлер-норманист, или Кто нацист в России?	11
Клейн против Ломоносова: ври больше, что-нибудь да останется	13
Ломоносовофобия норманистов: писаренки на марше	23
Ломоносов: универсальный человек	29
Сказки древних норманистов в переложении Клейна	34
Фальсификаторы и фальсификации: вор кричит «держи вора!»	38
Почему Новгород не стал Хольмгардом	42
Спор о варяжских словах	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Вячеслав Фомин

Голый конунг. Норманнизм как диагноз

Часть 1

Клейн как диагноз, или голый конунг норманнизма

Вначале было слово Клейна

28 сентября 2010 г. газета «Троицкий вариант – наука» опубликовала, разместив ее дополнительно в Интернете, статью Л.С. Клейна «Варяги, антинорманизм и час истины»¹, в которой он, норманнист, позволил себе в весьма грубой форме вести речь о тех, кто иначе интерпретирует варяго-русский (варяжский) вопрос. Но данный вопрос – вопрос сугубо научный, и он должен спокойно разрешаться в рамках науки, а не сводиться к безответственной болтовне, которую Клейн с помощью «ученых и научных журналистов» «Троицкого варианта» пятитысячным тиражом выплескивает на читателя, и которой захламляет Интернет, и где он оскорбляет, навешивает ярлыки, передергивает факты, бросается грязными обвинениями. Причем Клейн – доктор исторических наук, слова которого могут произвести впечатление голоса истинной науки.

Доктор-то доктор, но варяго-русским вопросом этот археолог профессионально не занимался, хотя в последнее время вещает по нему с самоуверенностью самозванного куратора ранней истории Руси, который все «бдит» и «зрит», у которого все под контролем, и не дай Бог, если что-то не по нему. Сразу же грозный окрик и молнии с норманнистского Олимпа. Чего только стоят его слова: «Должен покаяться: запись декабрьской передачи «Час истины»² на тему «Русь изначальная: происхождение варягов, норманизм и антинорманизм» только недавно попала мне на глаза». Ну, сам начальник Тайной розыскных варяжских дел канцелярии, ведающей научным сыском – выявлением неблагонадежных ученых, то бишь антинорманнистов, под лозунгом «Слово и дело Клейна». Выявлением и вытравлением из науки.

Могут сказать: как это он не специалист по варягам, ведь в 2009 г. вышла его книга «Спор о варягах»? Но данная книга представляет собой довольно маленькое сочинение (что-то вроде расширенного по объему реферата), которое в печатном виде занимает 74 страницы (но к ней добавлено всякой всячины более чем на 300 страниц). А написана она Клейном в 1960 г. без серьезного вникания в проблему и побочно, во время работы, как автор сам говорит, над диссертацией «по бронзовому веку» (там, видимо, что-то не клеилось), потому и содержит массу ошибок, нелепостей, а вместе с тем явных фальсификаций. Так, смерть М.В. Ломоносова отнесена в ней к 1764 г., хотя, как это хорошо помнят многие неисторики еще со школы, великий ученый умер в 1765 г., а норманнист XIX в. А.Ф. Федотов выдан за антинорманниста. Клейн, то ли заблуждаясь, то ли специально «заблуждая» студентов семинара, с которыми работал по рукописи своего «Спора», отчего у них серьезно искажались подлинная картина историографии и суть варяжского вопроса, говорил тогда, что «в последние десятилетия XIX в. и в начале XX в. антинорманизм в его реакционно-монархи-

¹ Клейн Л.С. Варяги, антинорманизм и час истины // Троицкий вариант – наука, 2010, № 63, 28 сентября, с. 10. См. по ссылке: <http://trv-science.ru/2010/09/28/varyagi-antinormanizm-i-chas-istiny>

² В ней принимали участие А.Н. Сахаров и В.В. Фомин.

ческом оформлении стал уже официальной догмой: русские школьники учились истории «по Иловайскому».

Но, во-первых, а этот факт очень хорошо известен, далеко не все «русские школьники» осваивали историю «по Иловайскому». А только те, кто учился в учебных заведениях, чьи педагогические советы выбрали его учебники. И большинство педсоветов выбирало последнее на основе свободной конкуренции из очень широкого круга учебников потому, что они были самыми лучшими. Во-вторых, и этот факт также хорошо известен, Д.И. Иловайский являет собой пример антинорманиста (искреннего) и норманиста (вынужденного) одновременно. Так, в научных разысканиях он, разделяя русь и варягов, считал русь восточнославянским племенем, проживавшим в Среднем Поднепровье и известным под именем поляне-русь, а варягов норманнами.

Однако в учебниках, например в «Кратких очерках русской истории. Курс старшего возраста», на которых выросло несколько поколений «русских школьников», Иловайский был чистейшей воды норманистом. Ибо он, направляемый программой Министерства народного просвещения, объяснял учащимся, что плодом движения варягов-норманнов «на Восточную Европу было основание Русского государства». А далее, знакомя их с опытами решения вопроса «о том, кто были русы и откуда пришли князья», историк резюмировал: «Одни принимали за финнов, другие за славян (из Померании); некоторые выводили их из литвы с устьев Немана и даже из козар. Однако полная достоверность остается на стороне скандинавского происхождения». То же самое он излагал в «Руководстве к русской истории. Средний курс (изложенный по преимуществу в биографических чертах)»³.

И если такие утверждения Иловайского и есть «антинорманизм в его реакционно-монархическом оформлении», то точно такой же «реакционно-монархический антинорманизм» исповедует сегодня и норманист Клейн.

А «в последние десятилетия XIX в. и в начале XX в. антинорманизм» никак не мог быть «официальной догмой», т. к. ситуация и в науке, и в общественном сознании того времени была такой, как ее обрисовал в 1876 г. И.Е. Забелин применительно ко всему XIX в. (а как показала жизнь, и к XX в., и к началу XXI в.): «...Мнение о норманстве руси поступило даже посредством учебников в общий оборот народного образования. Мы давно уже заучиваем наизусть эту истину как непогрешимый догмат». При этом еще подчеркнув, будто также заглянув в будущее и увидев там Клейна, у которого, видимо, кровь закипает в жилах лишь от слова «антинорманизм» и мысли, что кто-то смеет (какая наглость!) в русской истории обходиться без его разлюбленных скандинавов, что «всякое пререкание даже со стороны немецких ученых почиталось ересью, а русских пререкателей норманисты прямо обзывали журнальной неучью и их сочинения именовали бреднями. Вот между прочим по каким причинам со времен Байера, почти полтора столетия, это мнение господствует в русской исторической науке и до сих пор»⁴.

Историк без знания историографии, конечно, не историк. Под стать знанию историографии варяжского вопроса и уровень знания Клейном источников. Так, стараясь выдать варягов за шведов, а когда этот фокус ему не удавался, то за германцев вообще, Клейн толковывал своим «семинаристам», смотревшим на него как на единственный светоч знаний, что имя Владимир «звучит по-русски, но, очевидно, это «народная этимология», т. е. подлаживание к русским корням чуждого имени, видимо, германского... Вольдемар. Ведь древнерусское звучание – «Володимир», а не «Володимир».

³ Иловайский Д.И. Краткие очерки русской истории. Курс старшего возраста. Изд. 9-е. М., 1868. С. 9—10; его же. Руководство к русской истории. Средний курс (изложенный по преимуществу в биографических чертах). Изд. 8-е. М., 1868. С. 3—4; Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009. С. 10, 24, 63, 89. См. также: Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 142—143, 279—283.

⁴ Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М., 1876. С. 38, 88.

Но в Повести временных лет (ПВЛ) это имя читается в летописи в обоих приведенных Клейном вариантах: «Приде Володимир с варяги Ноугороду...» (и тут же несколько раз «Володимер», 980), «заратишася вятичи, и иде на нь Володимир...» (982), «Володимер заложи град Бельгород...» (991), «иде Володимир на хорваты» (затем только «Володимер», 992), «...придоша печенези к Василеву, и Володимир с малою дружиною изыде противу...» (далее «Володимер», 996). А свое знаменитое «Поучение» Владимир Мономах начинает словами: «Аз худый дедом своим Ярославом, благо-словленным, славным, нареченный в крещении Василий, русьскимъ именемъ Володимир, отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мъномахы» (а вот немец Г.З. Байер, очень плохо знавший русскую историю и совсем не знавший русского языка, в 1735 г. отмечал, что «славяне в старину говорили Владимир...»)⁵.

Даже в изложении самой главной ценности норманнизма – Бертинских анналов, в 1735 г. введенных в науку Байером, – Клейн действует настолько неграмотно, что сделал несколько принципиальных ошибок, которые заметит и не сведущий в варяго-русском вопросе читатель: «Одна из западноевропейских хроник (Бертинские анналы) упоминает о прибытии к французскому королю Людовику Благочестивому в 837 г. каких-то подозрительных «послов». ... Называли они себя подданными «хакана Рос» (Rhos). ... Французы опасались, не шпионы ли это страшных норманнов. И действительно, по исследованию оказалось, что они «из рода шведов».

Во-первых, Людовик I Благочестивый был франкским императором, а не французским королем, и окружали его не французы (огромное Франкское государство, основанное германцами, распалось в 843 г., после чего начинается особая история Франции, Германии и Италии. Францией Западно-Франкское королевство стало именоваться в X в.). Во-вторых, к нему не в 837 г., а в 839-м прибыли, но не послы «хакана Рос», а послы византийского императора Феофила. И лишь вместе с ними перед Людовиком Благочестивым предстали люди, утверждавшие, «что они, то есть народ их, называется Рос (Rhos)», и что они были направлены их «королем», именуемым «хаканом (chacanus)» к Феофилу «ради дружбы». В-третьих, как записано в анналах, «тщательно расследовав цели их прибытия, император узнал, что они из народа свеонов (Sueones)...», но не шведов, как повторяет Клейн заблуждение Байера, простительное для его времени.

Полагать же свеонов шведами (самоназвание *svear*) в силу лишь некоторого созвучия, – это то же самое, что видеть в немцах ненцев и на полном серьезе уверять в полнейшей тождественности этих народов. Причем на ошибку Байера – Клейна прямо указывают источники, которые отличают свеонов от свефов-шведов. Так, Тацит, поселяя свионов «среди Океана», т. е. на одном из островов Балтийского моря, резко отделяет их от свефов-шведов, живших тогда в Германии и переселившихся на Скандинавский полуостров в VI в., в эпоху Великого переселения народов, дав название Швеции⁶.

И хотя после 1960 г. много воды утекло, знания Клейном сторон варяго-русского вопроса и сейчас все так же поверхностные и суждения о них все так же предвзятые.

Так, Мстислава Великого, сына Владимира Мономаха, он преподносит в качестве его внука (такая ошибка, в связи с важной ролью обоих великих киевских князей в русской истории, следовательно, с их широкой известностью потомкам, непростительна и студенту), утверждает, не зная саг, что «под «Великой Швецией» у Тура Арне и других имелось в виду не расширение границ Шведского государства до размеров огромной империи, а гипотеза о шведских поселениях вне первоначального очага – на манер именования Великой Грецией

⁵ Летопись по Лаврентьевскому списку (ЛЛ). СПб., 1897. С. 74–78, 80, 119–124, 232; Байер Г.З. О варягах // Фомин В.В. Ломоносов: Гений русской истории. М., 2006. С. 349; Клейн Л.С. Спор о варягах. С. 70.

⁶ Хрестоматия по истории России с древнейших времен до 1618 г. / Под ред. А.Г. Кузьмина, С.В. Перевезенцева. М., 2004. С. 27–31, 106–107; Клейн Л.С. Спор о варягах. С. 60–61.

греческих поселений в Италии в античное время. Поэтому «Великая Швеция» на Востоке противопоставлялась «Малой Швеции» в Скандинавии, современного историка А.А. Горского, признающего норманство варягов и руси, т. е. своего же стопроцентного научного единоверца, характеризует в качестве антинорманиста и поясняет читателю, что обозначение «норманизм» – это «клише советской пропаганды». Но данное «обозначение» то и дело мелькает в работах дореволюционных историков. Например, Н.К. Костомаров в публичном диспуте с М.П. Погодиным в марте 1860 г. неоднократно использовал термин «норманисты» (кстати говоря, Клейн под фотографиями героев диспута поместил подпись: «Участник дискуссии 1865 г.»). В 1870-х гг. норманист А.А. Куник также всюду использовал «клише советской пропаганды» и «норманистом» именовал, от норманистской немощи записывая его в свои союзники, даже Нестора-летописца («самый старинный норманист», «отец» и «почтенный родоначальник норманистики»). За ним и В.О. Ключевский с А.А. Шахматовым называли летописца либо «решительным норманистом» (какими были, подчеркивал Ключевский, немецкие академики Г.З. Байер и Г.Ф. Миллер), либо «первым норманистом»⁷.

Остался Клейн верным и своему правилу работы с источниками, т. е. приписывать им то, что в них отсутствует, и по которому славянский Владимир был превращен в 1960 г. в германского Вольдемара. Теперь в русской истории появился еще и Людвиг (сын, видимо, Вольдемара, среди своих просто Вольдемарович). Такое «открытие» Клейн сделал из славянской надписи на клинке меча XI в. из Фощеватой под Миргородом «людо[?]а коваль»: «Она говорит о местном производстве мечей, причем либо славянский мастер учитывал вкусы потребителя, либо мастером был славянизированный норманн (имя для славянина необычное – Людота или Людоша, фамильярное от Людвиг?)»⁸.

«Спор о варягах» Клейна вообще кишит выдумками и неряшливостями, в том числе в научном аппарате, которые нисколько не ассоциируются с профессионализмом. И это при том, что, как отмечает автор во введении, бригада из трех человек, среди которых есть и его ученик – археолог и доктор исторических наук С.В. Белецкий, «помогли мне в выверке ссылок» (упаси Господи от подобных «помощников», не оправдавших надежд властелина их дум, что кто-то за ним приберет и придаст его книге видимость научного сочинения. Не гневайтесь на них, г. Клейн, это их уровень).

Во-первых, это какие-то фантастические сноски и прежде всего на несуществующую литературу. Такими, например, указаны работы Г.З. Байера 1770 г., А.Л. Шлецера 1774 и 1908 г., Т.Ю. Арне 1912 года. С другой стороны, реальные сочинения известного историка XIX в. М.П. Погодина «выпущены» в свет Клейном в 1946 и 1959 г., исследования ученых советской поры Л.В. Черепнина, В.Т. Пашуто и Е.А. Мельниковой датированы, видимо, для равновесия, XIX в. – 1848, 1874 и 1877 г., а выход монографии своего самого известного ученика Г.С. Лебедева «Эпоха викингов в Северной Европе» относит к 1885 г. (и считает ее то его кандидатской диссертацией, то, называя уже правильно 1985 г., докторской, то утверждает, что докторской диссертацией была его четвертая монография «История отечественной археологии» 1992 г.). Девятый том «Полного собрания сочинений» М.В. Ломоносова, содержащий служебные документы за 1742–1765 гг. и вышедший в 1955 г., озаглавлен Клейном как «Труды по теории и истории русского языка» (а тома с таким названием в природе не

⁷ Публичный диспут 19 марта 1860 года о начале Руси между гг. Погодиным и Костомаровым. [Б.м.] и [б.г.]. С. 18, 20–21, 26; Дополнения А.А. Куника // *Дорн Б. Каспий*. СПб., 1875. С. 396, 399, 451, 454, 457–458, 461–462, 687, прим. 18; *Куник А.А.* Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. Ч. 2. СПб., 1903. С. 04–08, 039; *Ключевский В.О.* Наброски по «варяжскому вопросу» // *Его же*. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 121–122; *Шахматов А.А.* Отзыв о труде В.А. Пархоменко: «Начало христианства Руси» // *Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП)*. Ч. LII. Новая серия. № 8. СПб., 1914. С. 342; *его же*. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916. С. 11; *Клейн Л.С.* Спор о варягах. С. 36, 63, 89, 212, 226.

⁸ *Клейн Л.С.* Спор о варягах. С. 231.

существует), якобы изданный в 1956 году. Даже свою книгу «Перевернутый мир» он датирует то 1991-м, то 1993 годом.

Во-вторых, многие сноски даны Клейном без указания страниц, что сразу же сигнализирует о его незнакомстве с содержанием приводимых им в таких случаях трудов. В-третьих, цитаты даже из классики норманнизма – «Нестора» А.Л. Шлецера – переданы в далеком от подлинника виде и с ошибочной нумерацией страниц. Вероятно, Клейн, в глаза не видя «Нестора», цитаты из него списал у какого-то любителя вольной передачи Шлецера. В пользу чего говорит и тот факт, что археолог сноски дает по первой части «Нестора», тогда как одна из них имеет отношение ко второй его части⁹.

Фамильярная с наукой, Клейн приписывает авторам то, чего у них нет. Так, с ссылкой на другого классика норманнизма – В. Томсена и без указания страниц, конечно, – он ведет речь о якобы норманнских заимствованиях в древнерусском языке. Это слово «князь», которое «в древности звучало близко к «конинг» и которое производят «из скандинавского древнегерманского «конунг» («король»)). Подобным же образом из Скандинавии выводятся древнерусские: «витязь» («вождь», «герой» – от «викинг»), «вира» («штраф»), «вервь» («община»), «гридь» («воин») и др. (Томсен, 1891)».

Но из всех перечисленных археологом слов у Томсена есть только слово «гридь». Других нет, как ни ищи. Историка же А.А. Горского он внес в перечень тех ученых, кто отмечал, что «финское Ruotsi при переходе в славянский по всем законам сравнительной фонетики должно было дать «Ручь» или «Ручь», а не «Русь», хотя у того таких слов также не найти (несмотря на свой норманнизм, Горский в 1989 г. продемонстрировал несостоятельность скандинавской версии происхождения названия «Русь», ибо аргументация в ее пользу настолько не согласуется с показаниями исторических источников, что это бросилось в глаза даже неспециалисту в варяжском вопросе)¹⁰.

Самое же главное (и самое печальное вместе с тем) заключается в том, что автор «Спора о варягах» 1960 г. до сих пор пребывает в блаженной уверенности, что его книга – это новинка и что в науке, в том числе в родной ему археологии, за полстолетия ничегошеньки не изменилось. В том же «Троицком варианте» 23 декабря 2008 г. он в статье «Сами с усами. К спору о варягах» по-детски делился распирающей его радостью, что скоро выходит книга, написанная им полвека назад. При этом с нескрываемым удивлением констатируя: «Это редко происходит с научными книгами, в археологии – особенно. Ведь в ней источники удваиваются за каждые 30 лет. А вот не устарела!»

Действительно, не быть научной в момент создания, да затем еще за 50 лет в такой научности нисколько не устареть, несмотря на почти двойное удвоение источников, иначе, как чудом, не назовешь и искренне подивись такому чуду вместе с автором. Подивись и задумайся, что же это за течение в науке – норманнизм, в котором ничего не устаревает. Но это тогда не наука, а что-то вроде веры. «А вот не устарела!» – и лбом об пол. И почаще, и посильнее, тогда в голове еще не те видения появятся.

Издавая книгу, Клейн включил в нее материал маскаральной «дискуссии» 1965 г. и ряд статей последних лет. В связи с антиломоносовской направленностью я подробно рассматриваю ее в монографии «Ломоносовофобия российских норманистов», которая только что вышла в сборнике «Варяго-русский вопрос в историографии» (вып. 2 серии «Изгнание норманнов из русской истории»)¹¹. Отмечу, что после ознакомления со статьей Клейна я усилил критику его «аргументов».

⁹ Там же. С. 12, 19–21, 26, 50–51, 61, 76–77, 97, 173, 225, 263, 265, 377, 384.

¹⁰ Томсен В. Начало Русского государства. М., 1891. С. 116; Горский А.А. Проблема происхождения названия Русь в современной советской историографии // История СССР. 1989. № 3. С. 132–134; Клейн Л.С. Спор о варягах. С. 63, 77.

¹¹ Фомин В.В. Ломоносовофобия российских норманистов // Варяго-русский вопрос в историографии / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин / Серия «Изгнание норманнов из русской истории». Вып. 2. М., 2010. С. 203–521.

Как известно, в науке оперируют научными аргументами. А с какого аргумента начинает Клейн разговор в газете «Троицкий вариант – наука» о Фомине, прямо затем назвав его фальсификатором, которого он, ну, прямо супергерой Бэтмен, оказывается, схватил за руку? С того, что Фомин патриот (вот жуть!), который обвиняет в антипатриотизме всех, кто признает скандинавское нашествие (что творится! Быстро сворачиваем нашествие и делаем ход от этого разбушевавшегося патриота).

Разумеется, я патриот (а кем еще, г. Клейн, должен быть гражданин России?), но в антипатриотизме никого из норманнистов – ни сегодняшних, ни вчерашних – никогда не обвинял, в том числе и в сентябрьской (а не декабрьской, как обычно перевирает Клейн) телепередаче «Час истины». Тем более не называл, как продолжает он лгать, не уважая даже свой весьма преклонный возраст и подставляя тем самым «учено-научное» издание, нынешних русских историков «русофобами, подкупленными Западом». Лжет Клейн и в «Споре о варягах», приписывая мне слова, что норманнист – это, «безусловно, антипатриот» (лжет и тогда, следует добавить, когда инкриминирует замечательному историку А.Г. Кузьмину желание представить норманнистов сторонниками «зловредного подрывного учения с политическим подтекстом»)¹².

Таких клейнских и не имеющих никакого отношения к науке «аргументов», как «патриот», «антипатриот», «русофоб», у меня нет вообще. И дело не только в моем воспитании и моем принципиальном отношении к науке. Просто я не делю ученых на своих и чужих, ибо все они – и норманнисты, и антинорманнисты – все наши, все наше наследие. Но, естественно, отмечаю их заслуги перед отечественной исторической наукой в разработке прежде всего варяго-русского вопроса, и отмечаю совершенно независимо от того, кому они принадлежат – русскому или нерусскому, потому как национальная принадлежность историков и для науки, и для меня не имеет, в отличие от Клейна, никакого значения, а значение имеет только то, что они доказали, открыли и т. д.

Как я, например, подчеркивал в двух монографиях и докторской диссертации в 2005–2006 гг., имена немцев Г.З. Байера, Г.Ф. Миллера и А.Л. Шлецера, несмотря на их весьма серьезные ошибки (а у кого их нет?) во взглядах на прошлое России, «являются таким же достоянием русской исторической мысли, как и имена русских Татищева, Ломоносова, Карамзина и других замечательных деятелей нашей науки», и что они имеют «весьма значимые заслуги... перед русской исторической наукой». В текущем 2010 г. мною в монографии «Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты его историографии» были отмечены одаренность и вместе с тем противоречивость Шлецера, в 1768 г. резко отделявшего русь от норманнов (тогда он видел в ней черноморскую русь), но в 1802 г. уже рассуждавшего, под влиянием выдумки шведа Ю. Тунмана, об особом виде скандинавов – руси (хотя при этом все равно твердо говоря, по причине хорошего знания и понимания ПВЛ, что она различает шведов и руссов, а обратное утверждение, по его очень верным словам, слышите, г. Клейн, «надобно доказать»)¹³.

А чтобы современные специалисты без предвзятости взвешивали и ошибки, и заслуги этих ученых, но не повторяли и не приумножали первые, я в 2006 г. переиздал статью Байера «О варягах» (1735), речь-«диссертацию» Миллера «О происхождении народа и имени российского» (1749), о которой более 250 лет норманнисты говорили с восторгом, но не видя ее воочию (как я понимаю по тональности рассуждений Клейна, он и ее не читал), готовлю

¹² Клейн Л.С. Спор о варягах. С. 9, 208.

¹³ Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 14; *его же*. Варяго-русский вопрос в отечественной историографии XVIII–XX веков. Автореф... дис... докт. наук. М., 2005. С. 19; *его же*. Ломоносов. С. 113, 341; *его же*. Начальная история Руси. М., 2008. С. 82–83; *его же*. Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты его историографии // Изгнание норманнов из русской истории / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин / Серия «Изгнание норманнов из русской истории». Вып. 1. М., 2010. С. 350, 391, 481.

к изданию перевод с немецкого книги Шлецера «Probe russischer Annalen» («Опыт изучения русских летописей», 1768), в которой он предстает перед нами во многом иным, чем в своем знаменитом «Несторе» 1802–1809 годов. Добавлю, что в сборнике «Варяго-русский вопрос в историографии», посвященном 1150-летию похода руси на Константинополь, публикуется исследование норманниста эмигранта В.А. Мошина, давшее название всему сборнику – «Варяго-русский вопрос» (1931), а также статьи советских норманнистов Д.Л. Талиса (1974) и М.Ю. Брайчевского (1985).

Помогает это науке? Несомненно, ведь названные работы либо плохо, либо вовсе неизвестны современным норманнистам, с умным видом изобретающим велосипеды, на которых по русской истории пылят, застилая истину, Вольдемары и Людвиги Клейна.

А переиздал ли что-нибудь Клейн из наследия норманнистов прошлого (и что было бы куда полезнее его «не устарелого» «Спора о варягах»)? Нет. Исправил ли свои ошибки, дорого обходящиеся науке? Нет. Но при этом свой ложный взгляд на варяжский вопрос он пытается прикрыть завесой разговоров о зловердных патриотах, т. е. силится сугубо научный разговор перевести в плоскость политики, чтобы в ее мутных водах утопить суть варяго-русского вопроса, и представить ученых, смотрящих на историю Руси не его глазами, националистами и даже нацистами. Вот слова, которые в 1960 г. Клейн сказал в отношении двух замечательных русских историков дореволюционной поры и которыми он много лет наставлял студентов своего семинара: «Некоторые реакционно-настроенные историки (Иловайский, Забелин), подходя к вопросу с позиций великодержавного шовинизма, выступали против «норманской теории», поскольку она противоречит идее о том, что русский народ по самой природе своей призван повелевать и господствовать над другими народами»¹⁴.

И ведь в его голове ничего не изменилось с той очень уже далекой поры. В 2004 г. в книге «Воскрешение Перуна» Клейн утверждал, что академик Б.А. Рыбаков «был не просто патриотом, а несомненно русским националистом или, как это сейчас принято формулировать, ультра-патриотом – он был склонен пылко преувеличивать истинные успехи и преимущества русского народа во всем, ставя его выше всех соседних. ... Он все видел в свете этой *idée fixe*...». В добавлениях последних лет к книге «Спор о варягах» Клейн в сильнейшем раздражении выдает антинорманнизм за «ультра-патриотизм», за «искусственное, надуманное течение, созданное с ненаучными целями – чисто политическими и националистическими», за «шовинистическую ангажированность», даже за «экий застарелый синдром Полтавы!» (и что это он забыл про Невскую битву, ведь тогда бы «экий» синдром стал «эдаким», т. е. во много раз ужаснее), а сегодняшние его сторонники изображаются «дилетантами» и «ультра-патриотами», которые «повторяют то, что в XVIII в. придумал Ломоносов, да так и не смог доказать»¹⁵.

¹⁴ Клейн Л.С. Спор о варягах. С. 25.

¹⁵ Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004. С. 53, 70; *его же*. Спор о варягах. С. 8–9, 199–201, 204, 209, 211–212, 217, 224, 261.

Гитлер-норманист, или Кто нацист в России?

В 2010 г. по программе «Кантемир»: «Благодарная Молдавия – братскому народу России» (без молдаван сегодня, конечно, никуда) вышло его же «Трудно быть Клейном» (во как!), где он антинорманнизму – Ломоносову и «его приспешникам», в целом всем «ультра-патриотам» – в главе под названием «Диагноз» методично и искусно «шьет» очень большое и очень страшное политическое дело, своего рода «Нюрнберг», наметки которого им были сделаны еще полвека назад. И этот приговор, а он, оказывается, уже зачитывался Клейном в 2006 г. со страниц «Новой газеты» и журнала «Звезда», а теперь повторен аккурат в 65-й год Победы над фашизмом, состоит в том, что Россия вступила на путь, «который прошла побежденная ею Германия», – на «путь нацизма».

Находя тому якобы параллели и признаки, проиллюстрированные для непонятливых рассказом антирусского анекдота (а юмор у этого либерала-демократа с мерзким расистским душком), а также говоря («давайте признаем очевидное, как бы оно ни было постыдно»), что «народ в массе симпатизирует убийцам инородцев, жалеет не убитых и их родных, а убийц, которые попали в скверную ситуацию из-за такого пустяка. Не русского же убили, а инородца, чужака. Народ готов к погромам инородцев... и к принятию расовых законов, буде в Думе найдутся их инициаторы», «народ готов и принять тоталитарного лидера, диктатора» и что уже президент (в данном случае речь идет о В.В. Путине) «одно из своих выступлений перед страной, транслировавшееся на всю Россию... закончил коротким молодецкатым возгласом: «Слава России»... В такой формулировке, как лозунг, эти слова – официальное приветствие русских нацистов: при нем они вскидывают руку вверх и вперед, как при «Хайль Гитлер!», Клейн заключает: «Наш Гитлер уже пишет свою *«Майн кампф»*¹⁶ и составляет списки для расстрелов. И концлагеря готовы – ждут поступления колонн политзэков»¹⁷.

Выходит, что антинорманисты, как и русский народ «в массе», нацисты. Хотя самый главный «наци» Гитлер, как и Клейн, был норманистом. В «Майн кампф» это бесноватое чудовище утверждало, обосновывая тем самым необходимость нападения на СССР, что «организация русского государственного образования не была результатом государственно-политических способностей славянства в России; напротив, это дивный пример того, как германский элемент проявляет в низшей расе свое умение создавать государство». От фюрера не отставало другое чудовище, также очень хорошо знакомое с норманнской теорией, которую, не щадя живота своего и чернил, защищает Клейн, – Гиммлер: «Этот низкопробный людской сброд, славяне, сегодня столь же не способны поддерживать порядок, как не были способны много столетий назад, когда эти люди призывали варягов, когда они приглашали Рюриков»¹⁸.

Обвинение русского народа, внесшего основной вклад в разгром фашизма, в нацизме есть чудовищная ложь, наказуемая законом! Потому что русский народ не несет в себе бацилл расизма и нацизма, на почве которых вырастает фашизм (а вот у Клейна они, похоже, завелись). Как отмечал знаменитый Н.Н. Миклухо-Маклай, характеризуя ситуацию XIX в. в Европе, охваченной идеями расизма и социал-дарвинизма, «Россия – единственная европейская страна, которая хотя и подчинила себе много разноплеменных народов, но все же не приняла полигенизм (т. е. учение о разном происхождении и, следовательно, неравенстве

¹⁶ Здесь и далее курсив, жирный шрифт и разрядка в цитатах принадлежат авторам.

¹⁷ Клейн Л.С. Трудно быть Клейном: Автобиография в монологах и диалогах. СПб., 2010. С. 650–669.

¹⁸ Цит. по: Чивилихин В. Память. Роман-эссе. Л., 1983. Кн. 2. С. 358–359.

рас) даже на полицейском уровне. В России полигенисты не могут найти себе союзников, так как их взгляды противны русскому духу»¹⁹.

По той же причине – противности русскому духу – в русском сознании никогда не было и никогда не будет нацистской идеи о «способных» или «неспособных» создавать государства народах. По той же причине русские никогда не уничтожали нерусских, не загоняли их в резервации и не сгоняли их с родной земли (действия грузин Сталина и Берии к характеру русского народа, понятно, не имеют никакого отношения).

По той же причине в русском народе, который изначально сложился как полиэтническая общность, нет психологии «нации господ», нет, вопреки Клейну, идеи «о том, что русский народ по самой природе своей призван повелевать и господствовать над другими народами». Изначально многонациональным было и наше государство, в рамках которого около двухсот народов смогли сохраниться и сохранить свою самобытность, свою культуру и свой язык (в подавляющем большинстве своем они добровольно вошли в состав России, и таких примеров мировая история не знает. Вошли, стали подданными Российского государства и получили надежнейшую защиту от агрессивных соседей. И так спаслись от уничтожения. Но их спасение оплачено огромным числом русских жизней).

А по каким-то отморожкам, которые убивают не только нерусских и людей неславянской внешности, но и русских, и людей славянской внешности, нельзя судить обо всем народе, марать его, да еще обвинять его в симпатии к «убийцам инородцев». Убийцы, они и есть убийцы, какими бы они словами и лозунгами – по форме и звучанию даже самыми патриотичными – ни прикрывали свои злодеяния и к какому бы роду-племени они бы не принадлежали. И подлежат эти псевдопатриоты, дискредитирующие и Россию, и русский народ, и патриотизм, самому суровому наказанию.

И все это Клейн очень хорошо знает. Но при этом всегда будет говорить то, что ему нужно, специально заостряя углы, чтобы, во-первых, лишний раз обратить на себя внимание, во-вторых, если вдруг его спросят за эту инсинуацию (и такое может быть), то чтобы тут же раскричаться во всех «демократических» изданиях, а они незамедлительно предоставят ему свои страницы, о гонениях на него – такого всеизвестного и такого всемирнозначимого, в целом на норманнистов за их «объективные исследования», отвергающие «блаженную «ультрапатриотическую» убежденность», т. е. антинорманнизм.

Можете себе представить, какой вселенский визг поднимется под лозунгом «Руки прочь от нашего Клейна», якобы страдающего именно за истину в варяжском вопросе. И, разумеется, понятно от кого – от «ультра-патриотов» с их «шовинистической ангажированностью» и «застарелым синдромом Полтавы». Поэтому скорее я буду привлечен (с подачи тех же «ученых и научных журналистов») к «ответу» за то, что посмел посягнуть на их святыню, на самого, подумать страшно, Льва Самуиловича Клейна. Да и другим будет наука – нечего правду историческую искать, а то также поймут, что норманнизм есть ложь, уродующая наше самосознание.

¹⁹ Цит. по: Кузьмин А.Г. Мародеры на дорогах истории. М., 2005. С. 80.

Клейн против Ломоносова: ври больше, что-нибудь да останется

В своих рассуждениях об антинорманнистах Клейн, как и в своем мнении о русском народе, действует по правилу одного печально известного нацистского «спеца» по оболваниванию – Геббельса: ври больше, что-нибудь да останется.

Но о варяго-русском вопросе надо говорить очень серьезно и обстоятельно, т. к. любая наука, в том числе историческая, – это четкая система доказательств и вразумительных контрдоводов, а не пустобрехство и зубоскальство. Тем более по теме начала Руси. И в науке История рассуждают не по принципу «я утверждаю», «как мне кажется» и «я всех умнее», а с приведением фактов. При этом обосновывая не только то, что укладывается в собственную концепцию, но и то, что в нее не вписывается.

Как это, например, делал Ломоносов, подчеркивая в первом отзыве на речь-«диссертацию» Миллера «О происхождении народа и имени российского» (16 сентября 1749 г.), «правда, что и в наших летописях не без вымыслов меж правдою, как то у всех древних народов история сперва баснословна, однако правды с баснями вместе выбрасывать не должно, утверждаясь только на одних догадках». Во втором же отзыве на нее (октябрь – ноябрь 1749 г.) он сформулировал, в контексте обсуждения своего видения происхождения руси, ключевой принцип беспристрастности, который также игнорируется сторонниками норманнской теории: ибо хотя Миллер «происхождение россиян от роксолан и отвергает, однако ежели он прямым путем идет, то должно ему все противной стороны доводы на среду поставить и потом опровергнуть»²⁰.

А так мог говорить только историк. Однако Клейн уверяет в «Троицком варианте», что Ломоносов возомнил себя историком и к истории «не был приуготовлен, древнерусских летописей не прорабатывал...». Но это Клейн, которому трудно быть в ладу с русской историей и с ее героями, возомнил себя невесть кем и потерял чувство меры, черня Ломоносова, «величайшего русского имени XVIII века», по оценке французского ученого А. Лортолари²¹, лишь потому, что он был антинорманнистом и что в ответ ему норманнисты, кроме брани и клеветы, ничего так и не могут предъявить.

Ломоносов, несмотря на необработанность тогда русской и европейской историй, сделал важнейшие открытия, принятые наукой (в ряде случаев я в скобках привожу фамилии известных норманнистов прошлого, либо развивавших его идеи, либо пришедших к ним самостоятельно): о равенстве народов перед историей: «Большая одних древность не отъемлет славы у других, которых имя позже в свете распространилось», об отсутствии «чистых» народов и сложном их составе: «Ибо ни о едином языке утвердить невозможно, чтобы он с начала стоял сам собою без всякого примешения», о древности славян: «Имя славенское поздно достигло слуха внешних писателей и едва прежде царства Юстиниана Великого, однако же сам народ и язык простираются в глубокую древность. Народы от имен не начинаются, но имена народам даются» (В.О. Ключевский назвал эту мысль и мысль о смешанном составе славянских племен блестящими идеями, «которые имеют значение и теперь»), о скифах и сарматах как древних обитателях России, о сложном этническом составе скифов, о складывании русской народности (по С.М. Соловьеву, «превосходное замечание о составлении народов») на полиэтнической основе (путем соединения «старобытных в России оби-

²⁰ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. М., Л., 1952. С. 20, 30.

²¹ Цит. по: Ланжевен Л. Ломоносов и французская культура XVIII в. // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т. VI. М., Л., 1965. С. 49 (переиздана в кн.: Слово о Ломоносове / Сб. статей и монографий / Составит. и ред. В.В. Фомин / Серия «Изгнание норманнов из русской истории». Вып. 3. М., 2012).

тателей» славян и чуди; В.О. Ключевский в «Курсе русской истории» говорит, что русский народ образовался «из смеси элементов славянского и финского с преобладанием первого»), об участии славян в Великом переселении народов и падении Западно-Римской империи, о родстве венгров и чуди (к такому выводу сами венгры придут лишь во второй половине XIX в. после ожесточенной полемики между приверженцами угро-финского и тюркского происхождения венгерского языка, которая вошла в историю венгерской науки под названием «угро-тюркской войны»), о прибытии Рюрика в Ладогу, о высоком уровне развития русской культуры: «Немало имеем свидетельств, что в России толь великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели», о ненадежности «иностранных писателей» при изучении истории России, т. к. они имеют «грубые погрешности» (Г.Ф. Миллер затем также соглашался, что если пользоваться только иностранными авторами, то «трудно в том изобрести самую истину, ежели притом» не работать с летописями и хронографами, и что иностранцы недолго бывали в России, большинство из них не знало русского языка, и «то они слышали много несправедливо, худо разумели, и неисправно рассуждали»), и др.

Установил Ломоносов и факты отрицательного свойства, показывающие полнейшую научную несостоятельность норманнской теории (а варяго-русским вопросом он целенаправленно занялся в начале 1730-х гг.): отсутствие следов руси в Скандинавии (норманисты почти 130 лет игнорировали этот вывод Ломоносова, пока в 1870-х гг. датский лингвист В. Томсен наконец-то не признал, что скандинавского племени по имени русь никогда не существовало и что скандинавские племена «не называли себя русью»), отсутствие сведений о Рюрике в скандинавских источниках (о чем в 1836 г. прямо скажет и Ф. Крузе), отсутствие скандинавских названий в древнерусской топонимике, включая названия днепровских порогов, отсутствие скандинавских слов в русском языке (крупнейший языковед И.И. Срезневский, проведя тщательный анализ слов, приписываемых норманнам, показал нескандинавскую природу большинства из них: что «остается около *десятка* слов происхождения сомнительного, или действительно германского... и если по ним одним судить о степени влияния скандинавского на наш язык, то нельзя не сознаться, что это влияние было очень слабо, почти ничтожно», и что эти слова могли перейти к нам без непосредственных связей, через соседей), что имена наших первых князей не имеют на скандинавском языке «никакого знаменования» (Ломоносов, писал в 1912 г. антинорманист И.А. Тихомиров, выступил против объяснения норманистами летописных имен, которые «коверкались в угоду теории на иностранный лад, как бы на смех и к досаде русских», и «первый поколебал одну из основ норманизма – ономастику... он указал своим последователям путь для борьбы с норманизмом в этом направлении», где пером С.А. Геденова «окончательно уничтожена была привычка норманистов объяснять чуть не каждое древнерусское слово – в особенности собственные имена – из скандинавского языка») и что вообще сами по себе имена не указывают на язык их носителей. В целом, как заключал Ломоносов в третьем отзыве на речь Миллера в марте 1750 г., что, «конечно, он не может найти в скандинавских памятниках никаких следов того, что он выдвигает».

Вместе с тем Ломоносов отмечал, вводя в научный оборот свидетельства византийского патриарха Фотия, давнее присутствие руси на юге Восточной Европы, где «российский народ был за многое время до Рурика» (Г.Ф. Миллер затем также неоднократно подчеркивал, что «имя *российское* еще и до *Рюрика* было употребительно в России...»). Потом и С.М. Соловьев констатировал, что «название «*русь*» гораздо более распространено на юге, чем на севере, и что, по всей вероятности, русь на берегах Черного моря была известна прежде половины IX века, прежде прибытия Рюрика с братьями»; о черноморской руси, существовавшей до призвания варягов, речь вели Е.Е. Голубинский, В.Г. Васильевский и другие норманисты).

Говорил наш гений о связи руси с роксоланами (эту мысль активно разрабатывал Г.В. Вернадский), об историческом бытии Неманской Руси, откуда пришли варяги-русы (Неманская Русь позже прописалась в трудах Г.Ф. Миллера, Н.М. Карамзина, И. Боричевского, М.П. Погодина), о широком значении термина «варяги», ибо так «назывались народы, живущие по берегам Варяжского моря» (С.М. Соловьев особенно ценил этот вывод Ломоносова и также понимал под варягами не какой-то конкретный народ, а европейские дружины, «сбродную шайку искателей приключений», подчеркивая вместе с тем, что в той части «Древней Российской истории», где разбираются источники, «иногда блещит во всей силе великий талант Ломоносова, и он выводит заключения, которые наука после долгих трудов повторяет почти слово в слово в наше время»).

Ломоносов указывал, что в «Сказании о призвании варягов» летописец выделял русь из числа других варяжских (западноевропейских) народов, при этом не смешивая ее со скандинавами (а то же самое затем утверждал, как отмечалось выше, и Шлецер), акцентировал внимание на факте поклонения варяжских князей славянским божествам и объяснял Миллеру, настаивавшему на их скандинавском происхождении, славянскую природу названий Холмогор и Изборска, отмечая при этом простейший способ превращения им (а так до сих пор поступают норманнисты) всего русского в скандинавское: «Весьма смешна перемена города Изборска на Иссабург...»²².

И этот вклад историка Ломоносова в развитие отечественной и всеобщей истории объясняется его прекрасным знанием источников, большинство из которых Клейн никогда не видел и, естественно, «не прорабатывал».

Как установила в 1962–1980 гг. Г.Н. Моисеева, обратившись к сочинениям Ломоносова (историческим и поэтическим), к архивам России и Украины, в которых открыла 44 рукописи с его пометами (а их более 3000 на полях и в тексте), им было изучено очень большое число источников, и в первую очередь отечественных. Это ПВЛ, Киево-Печерский патерик, Хронограф редакции 1512 г., Софийская первая, Никоновская, Воскресенская, Новгородская третья и четвертая, Псковская летописи, Казанская история (Казанский летописец), Степенная книга, Новый летописец, Двинской летописец, «Сказание о князьях владимирских», «Иное сказание», «История о великом князе Московском» А.М. Курбского, послания Ивана Грозного и Курбского, «Сказание» Авраамия Палицына, исторические повести о битве на Калке, о приходе Батыя на Рязань, о Куликовской битве, многочисленные повести о стрелецком восстании, Родословные и Разрядные книги, жития Ольги, Бориса, Глеба, Александра Невского, Дмитрия Донского, Сергия Радонежского, Федора Ростиславича Смоленского и Ярославского и др. (в ряде случаев их разные редакции и списки), а также церковно-учительная и церковно-богослужебная литература. И, говоря о его приобщении к чтению историче-

²² Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 19–42, 169–170, 173–174, 195–216; Миллер Г.Ф. Краткое известие о начале Новгорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших онаго города случаях // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. Ч. 2. Июль. СПб., 1761. С. 9; *его же*. О народах издревле в России обитавших. СПб., 1788. С. 93–97, 107–111, 123; Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. М., 1989. С. 58 и прим. 111; Боричевский И. Руссы на южном берегу Балтийского моря // Маяк. Т. 7. СПб., 1840. С. 174–182; Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. СПб., 1850. С. 130–131, 154; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. I. Т. 1–2. М., 1993. С. 87–88, 100, 198, 250–253, 276, прим. 142, 147, 148, 150, 173 к т. 1; кн. XIII. Т. 25–26. М., 1965. С. 535–536; *его же*. Писатели русской истории XVIII века // Собрание сочинений С.М. Соловьева. СПб., [1901]. Стб. 1351, 1353–1355; Погодин М.П. Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями. М., 1874. С. 389–390; Томсен В. Указ. соч. С. 80, 82; Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Ч. I. М., 1880. С. 13–33, 42–50; Васильевский В.Г. Житие св. Стефана Сурожского // ЖМНП. Ч. 263. СПб., 1889. С. 440–450; *его же*. Житие св. Георгия Амастридского и св. Стефана Сурожского // *Его же*. Труды. Т. 3. Пг., 1915. С. CX, CXXIII, CXXXIX – CXLI, CLII–CLIII, CCLXXVII–CCLXXXIII; Ключевский В.О. Лекции по русской историографии // *Его же*. Сочинения в восьми томах. Т. VIII. М., 1959. С. 408–410; *его же*. Полный курс лекций // *Его же*. Русская история в пяти томах. Т. I. М., 2001. С. 301–323; Тихомиров И.А. О трудах М.В. Ломоносова по русской истории // ЖМНП. Новая серия. Ч. XLI. Сентябрь. СПб., 1912. С. 61 (переиздана в кн.: Слово о Ломоносове); Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь, М., 1996. С. 268, 286, 289; Фомин В.В. Ломоносов. С. 257–267, 286–307; *его же*. Начальная история Руси. С. 78–82.

ских и литературных памятников еще на Севере, исследовательница на фактах показала их целенаправленное изучение Ломоносовым уже в годы обучения в Москве в Славяно-греко-латинской академии (1731–1735)²³.

Нельзя забывать еще об одной стороне деятельности Михаила Васильевича. В 1936 г. в Нью-Йорке вышла книга Д. Мореншильда «Россия в интеллектуальной жизни Франции XVIII века», в которой автор говорит о большом влиянии, оказанном сочинениями Ломоносова на общественное мнение Франции XVIII в.: «Ломоносов одним из первых сообщил Франции, что еще до Петра Россия была организованным государством и обладала своей собственной культурой»²⁴. Но Ломоносов, а в том и заключается одна из величайших его заслуг как историка, всей Европе, а не только Франции, сообщил, «что еще до Петра Россия была организованным государством и обладала своей собственной культурой». Слова Мореншильда относятся к «Древней Российской истории» Ломоносова (была издана в 1768 г. на немецком языке, в 1769-м, 1773-м, 1776 г. на французском, в 1772 г. на итальянском), которая заканчивается 1054 г. – смертью Ярослава Мудрого. А об этом же времени норманнская теория дает, в отличие от Ломоносова, иное представление.

Исторические интересы Ломоносова не ограничивались далеким прошлым. Его «Древняя Российская история» имела продолжение и была доведена до 1452 года. Им был создан «Краткий Российский летописец», по точной оценке П.А. Лавровского, «остов русской истории», где дана история России от первых известий о славянах до Петра I включительно, «с указанием важнейших событий и с приложением родословной Рюриковичей и Романовых до Елизаветы». И этот труд был настолько востребован российским обществом, что с 1760 по 1775 г. он вышел тремя изданиями и «немалым для XVIII в. общим тиражом более 4200 экземпляров» (но тиража все равно не хватало, и книгу переписывали от руки, в связи с чем она получила «довольно широкое распространение в списках, часто встречающихся в различных библиотеках»). «Краткий Российский летописец», отмечал В.О. Ключевский, «во все царствование Екатерины был довольно распространенным школьным руководством по русской истории».

По нему начинала свое знакомство с русской историей и за граница: в 1765, 1767, 1771 г. книга увидела свет на немецком, в 1767 г. на английском языках. Отношение западноевропейского читателя к «Краткому Российскому летописцу» передает, например, рецензия на него, помещенная в 1773 г. в «Historisches Journal von Mitgliedern des königlichen historischen Instituts zu Göttingen», где подчеркивается, что иностранцы до сих пор «не имеют еще ни одного связного произведения по российской истории. Ибо хотя в наши дни образованный русский человек, достаточно хорошо знакомый с зарубежной литературой, может написать лучшую, значительно лучшую книгу по русской истории, чем написал или мог написать в свое время Ломоносов, тем не менее мы в нашем распоряжении не имеем ничего лучшего, чем очерк Ломоносова, который по крайней мере служит к тому, чтобы мы могли ясно себе представить по летописям последовательность русских великих князей до Петра I, в хронологическом порядке, а также, по приложенному в конце... родословному списку – происхождение русских властителей и их родство с другими европейскими королями и князьями».

²³ Моисеева Г.Н. К вопросу об источниках трагедии М.В. Ломоносова «Тамира и Селим» // Литературное творчество М.В. Ломоносова. Исследования и материалы. М., Л., 1962. С. 254–257; *ее же*. Ломоносов в работе над древнейшими рукописями (по материалам ленинградских рукописных собраний) // Русская литература (РЛ). 1962. № 1. С. 181–191, 193; *ее же*. М.В. Ломоносов и польские историки // Русская литература XVIII в. и славянские литературы. Исследования и материалы. М., Л., 1963. С. 140–142; *ее же*. М.В. Ломоносов на Украине // Там же. С. 88, 90–92, 97–98; *ее же*. Из истории изучения русских летописей в XVIII веке (Герард-Фридрих Миллер) // РЛ. 1967. № 1. С. 133; *ее же*. Ломоносов и древнерусская литература. Л., 1971. С. 8–24, 60–61, 66, 68, 72–73, 76, 78, 80–127, 129–132, 134–137, 146, 150, 201, 232; *ее же*. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 49–57.

²⁴ Цит. по: Ланжевэн Л. Указ. соч. С. 48.

А в предисловии английского издания «Краткого Российского летописца» констатируется, что он написан одним «из самых одаренных и ученийших людей» России.

Ломоносов очень много и плодотворно занимался эпохой и личностью Петра I, стрелецкими бунтами. В 1757 г. он написал, по просьбе И.И. Шувалова, примечания на рукопись «Истории Российской империи при Петре Великом» (первые восемь глав) Ф.-М.А. Вольтера, где исправил многочисленные ошибки и неточности текста, и все эти поправки были приняты европейской знаменитостью. Так, он переработал и расширил раздел «Описание России», полностью переделал главу о стрелецких бунтах, воспользовавшись присланным Ломоносовым «Описанием стрелецких бунтов и правления царевны Софьи» (в авторской редакции: «Сокращенное описание самозванцев и стрелецких бунтов»), во многих случаях почти дословно воспроизводя последнее в своей «Истории» (но французский философ не принял замечания Г.Ф. Миллера, сказав: «Я бы желал этому человеку побольше ума и поменьше согласных»). Ломоносову принадлежат «Сокращение о житии государей и царей Михаила, Алексея и Феодора» и «Сокращенное описание дел государевых» (Петра I), которые он также готовил для Вольтера и которые не исчезли, а читаются в «Кратком Российском летописце»²⁵.

Огромная заслуга Ломоносова перед исторической наукой заключается и в том, что он норманнизму, как ложному представлению о начале русской истории, всегда давал решительный отпор, например в известной дискуссии 1749–1750 гг. по речи-«диссертации» Миллера «О происхождении народа и имени российского».

Причем норманнисты, рисуя Ломоносова каким-то зоологическим неприятелем Миллера, забывают сказать, что в 1747 г. Ломоносов в споре Миллера и Крекшина принципиально поддержал первого, ибо на его стороне была правда, но эту правду надо было еще доказать перед Сенатом, т. к. чреватый очень большими неприятностями спор касался происхождения царствующей династии, которую *русский* Крекшин надуманно выводил от Рюрика. И такая позиция *русского* Ломоносова не только уберегла *немца* Миллера от самых серьезных неприятностей, но и сберегла его для нашей науки (а ведь Крекшин прямо «намеревался уличить в государственном преступлении» Миллера. Случись такое, ему бы не избежать весьма «теплой» встречи с Тайной розыскных дел канцелярией, одно название которой наводило ужас. И кто бы тогда знал о нем?).

Они также молчат, что речь-«диссертацию» Миллера во время ее обсуждения отвергли немцы И.Э. Фишер и Ф.Г. Штрубе де Пирмонт (которых ну никак не записать в русские патриоты и тем более в «ультра-патриоты»), также сказавшие о «предосудительности» его речи России (а такую формулировку для оценки этой речи, которую он сам охарактеризовал как «галиматья г. Миллера», предложил глава Канцелярии Академии наук немец И.Д. Шумахер). Так, Штрубе де Пирмонт отмечал в 1749 г., что Академия справедливую причину имеет сомневаться, «пристойно ли чести ее помянутую диссертацию публично читать и напечатавши в народ издать» (позже он пояснил, что Миллер «предлагает о начале россиян понятия, совсем несходные с краткими и ясными показаниями наших летописцев и с известиями чужестранных историков...»). То же самое в том же 1749-м говорил и Ломоносов: «диссертация», поставленная на «зыблющихся основаниях», «весьма недостойна, а российским слушателям и смешна, и досадительна».

²⁵ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 91–96, 99–161, 563–572, 574–575, 588–594; т. 10. М., Л., 1957. С. 524–527, 533, 839–841, 845; Лавровский П.А. О трудах Ломоносова по грамматике языка русского и по русской истории // Памяти Ломоносова. Харьков, 1865. С. 50 (переиздана в кн.: Слово о Ломоносове); Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова. М., Л., 1961. С. 275, 279–280, 324; Гурвич Д. М.В. Ломоносов и русская историческая наука // Вопросы истории (ВИ). 1949. № 11. С. 111–115, 117; Шамрай Д.Д. О тиражах «Краткого Российского летописца с родословием» // Литературное творчество М.В. Ломоносова. М., Л., 1962. С. 282–284 (а также: Фомин В.В. М.В. Ломоносов и русская историческая наука // Слово о Ломоносове. С. 167–196).

Факт, что сочинение немца Миллера не приняли немцы Фишер, Штрубе де Пирмонт, Шумахер, что позже немец А.Л. Шлецер увидел во многих ее положениях «глупости» и «глупые выдумки», а немец А.А. Куник (как же заразителен этот «ультра-патриотизм»!) в целом охарактеризовал ее как «препустую», отмечает все норманистские домыслы об отсутствии в критике русского Ломоносова каких-либо серьезных оснований, кроме как только патристических (начало такому мнению, ставшему самым главным «аргументом» в разговоре норманистов с оппонентами вообще и с особенной силой вновь зазвучавшему в устах современных российских ученых, положил Шлецер. Стремясь выставить Ломоносова перед просвещенной Европой в самом неприглядном виде, Шлецер утверждал в своих воспоминаниях и «Несторе», что его неприязненное отношение к речи немца Миллера объясняется тем, что он «был отъявленный ненавистник, даже преследователь всех нерусских»). Остается добавить, что сам Миллер в 1773 г., говоря о выходе «диссертации» в Геттингене «вторым уже тиснением» без его участия, с нескрываемым сожалением признал: «Много сделал бы еще в оном перемены»²⁶.

В 1764 г. Ломоносов дал отпор и этимологическим безобразиям Шлецера – попыткам вывести, с целью демонстрации «научности» норманизма, русские слова из германских языков. Например, производство слов «князь» от немецкого «Knecht» – «холоп», «дева» либо от немецкого «Dieb» – «вор», либо нижнесаксонского «Tiffe» – «сука», либо голландского «teef» – «сука», непотребная женщина, название которой не каждый мужчина решится произнести. Ознакомившись с такими оскорбительными – а подобные «словопроизводства» заденут честь любого народа – для русского человека «открытиями» Шлецера, Ломоносов, отметив его «сумасбродство в произведении слов российских», заключил, что «каких гнусных пакостей не наколобродит в российских древностях такая допущенная в них скотина». Как норманист В.О. Ключевский хотя и считал, что Ломоносов «до крайности резко разобрал» «Русскую грамматику» Шлецера, но в то же время как ученый полностью признал его правоту. «Действительно, – говорил он, не скрывая своего искреннего недоумения, происшедшего из созданного нашей же наукой культа Шлецера, – странно было слышать от ученика Михаэлиса такие словопроизводства, как боярин от баран, дева от Діев, князя от Knecht»²⁷.

А «странные» словопроизводства Шлецера имеют свои корни, которые затем намертво вросли в русскую почву (что хорошо видно на примере Клейна и о чем речь впереди). В бытность его проживания в Санкт-Петербурге в доме Миллера в 1761–1762 гг. последний, отмечал в 1882 г. К.Н. Бестужев-Рюмин, «никак не мог помириться со сравнительным методом, вынесенным Шлецером из Геттингена, и бранил его Рудбеком (шведский ученый, отличавшийся смелыми и странными словопроизводствами)».

Имя шведского норманиста XVII в. О. Рудбека сделалось в науке нарицательным, ибо он, дойдя в своей необузданной фантазии, заикленной на прославлении Швеции, до мысли, что она и есть Атлантида Платона и что она, являясь «прародиной человечества», сыграла выдающуюся роль в мировой истории, в том числе древнерусской, «доказывал» эти норманистские бредни переиначиванием древнегреческих и русских слов в скандинавские (термин «варяги» он производил от древнешведского *waḡ* – «волк» и заставлял шведских «волков»-варягов бороздить Балтийское и южные моря вплоть до Спарты). В 1856 г. С.М. Соловьев подчеркнул, что Рудбек своими словопроизводствами, основанными «на одном

²⁶ См. подробнее о диссертации Миллера и его полемике с Ломоносовым: Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 79–108; *его же*. Ломоносов. С. 226–337, 366–440; *его же*. Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты... С. 386–389, 397, 465 (а также: Фомин В.В. М.В. Ломоносов и русская историческая наука. С. 149–167).

²⁷ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 9. М., Л., 1955. С. 414–416, 420, 426–428; Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная. СПб., 1875. С. 460–461, 464–465; Билярский П.С. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 725–726; Ключевский В.О. Лекции по русской историографии. С. 447.

только внешнем сходстве звуков», возбуждал «отвращение и смех в ученых...». Современные шведские исследователи, в частности Ю. Свеннунг и П. Бейль, указывают, что Рудбек «довел шовинистические причуды фантазии до вершин нелепости» и что его эмпиризм «граничил с паранойей»²⁸.

Но то, что видели Миллер, Соловьев, Бестужев-Рюмин и Ключевский, категорично не желает видеть основная часть норманнистов, с возмущением осуждая Ломоносова в случае с его оценкой «Русской грамматики» Шлецера. Как, например, утверждал в 1904 г. С.К. Булич, Шлецер «неоспоримо» превосходил Ломоносова широтой филологического и лингвистического образования, проницательностью взгляда, а враждебные отношения к нему русского ученого «развились на почве научного соперничества сначала в области русской истории, а затем уже русской грамматики». При этом защитники Шлецера – даже в таком очевидном его отступлении от науки! – не принимают в расчет того, что «разнос» Ломоносова весьма благотворно сказался на их кумире. Ибо он уже в 1768 г., т. е. спустя всего четыре года после своего фиаско с этимологическими «опытами» в области русского языка, сам и абсолютно по делу учил «уму-разуму» современных ему деятелей от науки, с ловкостью фокусников создававших любые «лингвистические аргументы», посредством которых с той же ловкостью ими возводились многочисленные эфемерные конструкции, засорявшие науку. «Неужто даже после всей той разрухи, – искренне негодовал Шлецер, – которую рудбекианизм учинил, пройдясь по древним векам, они все еще не устали творить из этимологий историю, а на простом, может быть, случайном совпадении слов выстраивать целые теории?»²⁹.

Норманнистам, делающим особый упор на то, что Ломоносов не был профессиональным историком, и тем самым исключаящим его из исторической науки, надлежит напомнить, что профессиональными историками не были и другие наши выдающиеся историки – В.Н. Татищев, Н.М. Карамзин, И.Е. Забелин. Что ж, их норманнисты тоже прикажут «на законных основаниях» исключить из исторической науки (такие действия, кстати сказать, уже не раз предпринимались в отношении антинорманниста Татищева, а сегодня его злопыхатели – и как же некоторые русские ненавидят и презирают все русское! – вновь активизировались³⁰)? И прикажут те, чьи имена, судя по их работам, не только что в памяти потомков, но даже в памяти современников не оставят никакого следа. След же Ломоносова в науке, в том числе исторической, при всех стараниях сегодняшних «ломоносововедов» (точнее, ломоносовоедов) никогда не сотрется. Ибо он слишком глубок и значим.

Профессиональными историками не были и немецкие ученые Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер и А.Л. Шлецер, которых в обязательном порядке противопоставляют «неисторику» Ломоносову. Так, у Миллера за плечами были только гимназия и два незаконченных университета, в которых им был проявлен интерес не к истории, а к этнографии и экономике. Да и направлялся он в 1725 г. в Россию с мыслями очень далекими от занятия какой-либо наукой. «Я, – вспоминал весьма прагматичный Миллер, – более прилежал к сведениям, требу-

²⁸ Соловьев С.М. Август-Людвиг Шлецер // Собрание сочинений С.М. Соловьева. Стб. 1547; Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики (летописцы России). М., 1997. С. 155; Ключевский В.О. Лекции по русской историографии. С. 447; Видаль-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М., 2001. С. 381; Фомин В.В. Начальная история Руси. С. 15–16.

²⁹ Schlözer A.L. Probe russischer Annalen. Bremen, Göttingen, 1768. S. 66–67; Шлецер А.Л. Русская грамматика. I–II. С предисловием С.К. Булича. СПб., 1904. С. II, VI.

³⁰ См. об этом подробнее: Азбелев С.Н. Устная история Великого Новгорода. Великий Новгород, 2006. С. 250–284; *его же*. Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. СПб., 2007. С. 6–34; Журавель А.В. Новый Герострат, или У истоков «модерной истории» // Сборник Русского исторического общества (Сб. РИО). Т. 10 (158). Россия и Крым. М., 2006. С. 524–544; Гагин И.А. Очередное покушение на В.Н. Татищева // Вестник Липецкого государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 2. Липецк, 2008. С. 119–130; Фомин В.В. Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты... Прим. 274, с. 506–512.

емым от библиотекаря, рассчитывая сделаться зятем Шумахера и наследником его должности». Но в 1730 г. недоучившийся студент, допущенный «для сочинения» академической газеты «Санкт-Петербургские ведомости», издаваемой на немецком языке (в ней давался обзор иностранной прессы), не имея никаких исторических работ, *«не будучи, – как подытоживал Шлецер, – ничем еще известен публике, и не зная по-русски...»*, стал профессором истории Петербургской Академии наук. Причем стал таковым вопреки мнению всех академиков, а ими тогда были исключительно иностранцы, в основном немцы, и только благодаря настойчивости своего покровителя Шумахера. И лишь только в 1731 г., констатировал он, «у меня исчезла надежда сделаться его зятем и наследником его должности. Я счел нужным проложить другой ученый путь – это была русская история...» (по словам П.Н. Милюкова, ««предприятие» заняться русскою историей было вызвано у Миллера не столько учеными, сколько практическими соображениями»).

Байер и Шлецер хотя и имели университетское образование, но это образование не могло им дать, несмотря на все уверения сторонников норманнизма, никакой «специальной исторической подготовки» по причине ее отсутствия в их время в программах западноевропейских университетов. На богословских факультетах, на которых они учились, можно было ознакомиться лишь с библейской историей, причем, как вспоминал Шлецер, только в ее «главных событиях». Там же они подготовили диссертации: Байер по теме «О словах Христа: или, или, лима, савахфани», Шлецер – «О жизни Бога». Историческими эти диссертации никак не назовешь. Пусть даже обратное будет теперь твердить на всех страницах каждого номера газеты «Троицкий вариант – наука» и каждые полчаса в Интернете всемирно известный археолог и антрополог Клейн.

А университеты XVIII в. давали типичное для той эпохи эрудитское образование. Так, Шлецер по окончании богословского факультета Виттенбергского университета год слушал лекции по филологическим и естественным наукам в Геттингенском университете, где увлекся благодаря И.Д. Михаэлису филологической критикой библейских текстов (гордо говоря впоследствии, что «я вырос на филологии...») и где решил посвятить себя «религии и библейской филологии...». Некоторое время спустя он в том же университете еще два с половиной года изучал большое число дисциплин, в том числе медицину (по которой получил ученую степень), химию, ботанику, анатомию, зоологию, метафизику, математику, этику, политику, статистику, юриспруденцию (и изучал все это потому, что думал совершить путешествие в Палестину для написания большого труда «О животных Библии со стороны естественно-исторической»).

И с каким багажом знаний собственно русской истории прибыл Шлецер в наше Отечество, видно из его слов, что до отъезда в Россию он два с половиной месяца «усиленно изучал» ее и что в середине XVIII в. Российское государство было «terra incognita, или, что еще хуже, описывалось совершенно ложно недовольными». В данном случае показательны и слова предисловия французского издания «Древней Российской истории» (1769 г.) Ломоносова, где специально выделено, что в ней речь идет о народе, «о котором до настоящего дня имелись лишь очень неполные сведения. Отдаленность времени и мест, незнание языков, недостаток материалов наложили на то, что печаталось о России, такой густой мрак, что невозможно было отличить правду от лжи...».

Своим образованием Ломоносов ни в чем не уступал ни Байеру, ни Шлецеру, ни тем более Миллеру. За пять лет (1731–1735 гг.) он на родине блестяще освоил практически всю программу обучения в Славяно-греко-латинской академии (прохождение ее полного курса было рассчитано на 13 лет), где по собственному почину занялся изучением русской и мировой истории. «К счастью Ломоносова, – говорил в 1865 г. академик Я.К. Грот, – классическое учение Спасских школ поставило его на твердую почву европейской цивилизации: оно положило свою печать на всю его умственную деятельность, отразилось на его ясном и пра-

вильном мышлении, на оконченности всех трудов его». А с января по сентябрь 1736 г. он был студентом Петербургской Академии наук. Затем в 1736–1739 гг. Ломоносов учился в одном из лучших европейских университетов того времени – Марбургском, где слушал лекции на философском и медицинском факультетах (на последнем – преимущественно лекции по химии, там же он получил звание «кандидата медицины»).

И учился так успешно, что заслужил по окончании университета в июле 1739 г. высочайшую похвалу своего учителя, «мирового мудреца», как его называли в XVIII в., преемника великого Г.В. Лейбница, выдающегося немецкого философа и специалиста в области физико-математических наук Х. Вольфа. Как отмечал этот признанный европейский авторитет, которого Ломоносов боготворил всю жизнь и считал его «своим благодетелем и учителем», «молодой человек с прекрасными способностями, Михаил Ломоносов со времени своего прибытия в Марбург прилежно посещал мои лекции математики и философии, а преимущественно физики и с особенною любовью старался приобретать основательные познания. Нисколько не сомневаюсь, что если он с таким же прилежанием будет продолжать свои занятия, то он со временем, по возвращению в отечество, может принести пользу государству, чего от души и желаю».

К универсальному образованию Ломоносова следует прибавить еще два года его обучения (1739–1741 гг.) у профессора И.Ф. Генкеля во Фрейбурге металлургии и горному делу. Надлежит также сказать, что Ломоносов в Германии помимо основательной работы над обязательными дисциплинами – математикой, механикой, химией, физикой, философией, рисованием, немецким и французским языками и пр. – самостоятельно совершенствовал познания в риторике, занимался теоретическим изучением западноевропейской литературы, практической работой над стихотворными переводами, писал стихи, создал труд по теории русского стихосложения, ознакомился с зарубежными исследованиями по русской истории и др.

Не уступал Ломоносов немецким ученым и в знании иностранных языков, т. к. прекрасно владел латинским и древнегреческим языками, что позволяло ему напрямую работать с источниками, большинство из которых еще не было переведено на русский язык (как свидетельствует его современник, историк и академик И.Э. Фишер, он знал латинский язык «несравненно лучше Миллера», а сын А.Л. Шлецера и его первый биограф Х. Шлецер называл Ломоносова «первым латинистом не в одной только России»). В той же мере наш гений владел немецким (причем несколькими его наречиями) и французским языками, благодаря чему всегда был в курсе новейших достижений европейской исторической науки. Сверх того Ломоносов, как он сам пишет, «довольно знает все провинциальные диалекты здешней империи... разумея притом польский и другие с российским сродные языки» («Положительно можно утверждать, – отмечал в 1865 г. славист П.А. Лавровский, – о сведениях его в польском, сербском и болгарском»). А в «Российской грамматике» им приведены примеры из латинского, греческого, немецкого (и древненемецкого), французского, английского, итальянского, не уточненных азиатских, абиссинского, китайского, еврейского, турецкого, персидского, из иероглифического письма древних египтян.

Но вместе с тем Ломоносов в середине XVIII в., т. е. в момент становления в России истории как науки и выработки методов познания прошлого, обладал очень важным преимуществом перед Байером и Шлецером, ибо был выдающимся естественником, не имевшим равных в Европе. И каждодневная многолетняя практика самого тщательного и тончайшего анализа в точных науках, прежде всего химии, физике, астрономии, математике, выработала у него принципы, один из которых он предельно четко изложил в заметках по физике в начале 1740-х гг.: «Я не признаю никакого измышления и никакой гипотезы, какой бы вероятной она ни казалась, без точных доказательств, подчиняясь правилам, руководящим рассуждениями». Другой: «Из наблюдений устанавливать теорию, чрез теорию исправлять наблюдения

– есть лучший способ к изысканию правды», – звучит в «Рассуждении о большей точности морского пути» 1759 г.³¹

И неукоснительное руководство этими принципами вело Ломоносова к многочисленным открытиям в совершенно разных сферах, обогатившим отечественную и мировую науку, превратило его в универсального исследователя. Универсалов тогда было много, но Михаил Васильевич обладал еще и тем, чем наделяет Бог только самых избранных. «Я всегда, – говорил нашему гению другой гений, великий математик Л. Эйлер в письме от 19 марта 1754 г., – изумлялся Вашему счастливому дарованию, выдающемуся в различных научных областях». Данное счастливое дарование было многократно усилено невероятной работоспособностью Ломоносова. Как сказал в 1921 г. наш выдающийся математик академик В.А. Стеклов, знавший по себе, что есть такое научный труд, о всеобъемлющем таланте этого «умственного великана»: можно только поражаться, «каким образом успевал один человек в одно и то же время совершать такую массу самой разнообразной работы», при этом «с какой глубиной почти пророческого дара проникал он в сущность каждого вопроса, который возникал в его всеобъемлющем уме»³² (а этот всеобъемлющий ум работал точно суперкомпьютер и сразу же видел любую проблему в целом и в деталях).

С той же «глубиной почти пророческого дара проникал» Ломоносов и в сущность истории своего народа, видя задачу историка в том, что «коль великим счастьем я себе почесть могу, ежели моею возможною способностию древность российского народа и славные дела наших государей свету откроются...» и что «велико есть дело смертными и преходящими трудами дать бессмертие множеству народа, соблюсти похвальных дел должную славу и, пренося минувшие деяния в потомство и в глубокую вечность, соединить тех, которых натура долготою времени разделила». Благородная цель, служению которой желали бы посвятить себя многие исследователи. И можно только гадать, что было бы им сделано на поприще истории, если бы она одна и была его уделом (как, например, у Байера, Миллера и Шлецера).

Но и того, что он сделал в этой области, параллельно с тем занимаясь еще химией, физикой, металлургией, лингвистикой, астрономией, географией и многими другими отраслями науки, где прославил свое имя (да еще основав такие науки, как физическая химия и экономическая география, и создав русскую научную терминологию, без которой невозможно было развитие наук в России, введя такие понятия, например, как земная ось, удельный вес, равновесие тел, оптика, преломление лучей, опыт, предмет, наблюдение), вполне достаточно, чтобы признать Ломоносова историком и без норманистской предвзятости взглянуть и на него, и на его наследие. При этом не забывая, когда заводят речь об ошибках Ломоносова (а они у него, разумеется, есть), что в обработке русской истории он, по верному замечанию П.А. Лавровского, натолкнулся «на непочатую еще почву и вынужден был сам и удобрять, и вспахивать, и засеивать и боронить ее»³³.

³¹ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 1. М., Л., 1950. С. 115; т. 4. М., Л., 1955. С. 163; т. 5. М., Л., 1954. С. 396; т. 7. М., Л., 1952. С. 400–401, 404–405, 408, 411–417, 424, 509, 850, 866; т. 9. С. 415, 429; т. 10. С. 275, 570–571, 705; Грот Я.К. Очерк академической деятельности Ломоносова. СПб., 1865. С. 38; Лавровский П.А. Указ. соч. С. 33; Пекарский П.П. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 49; его же. История императорской Академии наук в Петербурге. Т. I. СПб., 1870. С. 317–318; Миллюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. Изд. 2. СПб., 1913. С. 74–75, 89; Павлова Г.Е., Федоров А.С. Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765). М., 1986. С. 48–50, 68–69, 84–85, 94–96; Фомин В.В. Ломоносов. С. 242–256; его же. Ломоносовофобия российских норманистов. С. 220–236.

³² Стеклов В.А. Михайло Васильевич Ломоносов. Берлин, Пб., 1921. С. 5, 65, 80, 88–89, 94, 103, 123, 133, 171–172, 185, 195; Ченакал В.Л. Эйлер и Ломоносов (к истории их научных связей) // Эйлер Л. Сборник статей в честь 250-летия со дня рождения, представленных Академией наук СССР. М., 1958. С. 442.

³³ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 171; т. 10. С. 474–475; Лавровский П.А. Указ. соч. С. 52–53.

Ломоносовофобия норманнистов: писаренки на марше

Однако норманнисты уже более двух столетий трубят, что в своих исторических трудах им все было сделано не так. Действительно, Ломоносов делал все не так, как того бы хотелось норманнистам, уводящим нас в историческое зазеркалье, а так, как того требуют истина и долг ученого. Как мы знаем, реальность и отражение этой реальности в головах разных людей – это две большие разницы. И отражение реальности – настоящей или прошлой – зависит в целом от культуры, воспитывающей мировоззренческие принципы, которыми затем руководствуется – осознанно и неосознанно – человек. Важная грань культуры – образование. И если человек «образован» как норманнист, то он и будет на все смотреть именно как норманнист.

А в этой зашоренности он – осознанно или неосознанно – обязательно будет в той или иной мере участвовать в дискредитации Ломоносова как историка и в очернении его взгляда на раннюю историю Руси. Причем независимо от того, кто он, этот норманнист, – археолог, историк, корабельных дел мастер или геолог. Такое изначально негативное настроение высокообразованных умов, которое только и можно назвать ломоносовофобией, стало сейчас привычным явлением, по-хозяйски обосновалось в нашей науке, закрепляется в общественном сознании. И об этом совершенно позорном и, уверен, невероятном явлении для других стран – где по праву гордятся своими «Ломоносовыми» куда за меньшие заслуги, при этом никому не позволяя охаивать национальные святыни, фамильярничать с ними и памятью о них, – я подробно рассказываю в «Ломоносовофобии российских норманистов».

Чтобы были понятны масштабы этой ломоносовофобии, приведу «суждения» некоторых «знатоков» творчества Ломоносова, которые с явным издевательством устраивают, словно во времена инквизиции, публичное судилище над своим соотечественником, составляющим гордость и славу России, за его научные взгляды, даже не предпринимая попытки понять их истинную природу, т. е. без предвзятости вчитаться в источники, и высокомерно отлучают ученого от исторической науки.

В 1995 г. к.и.н. археолог А.А. Формозов утверждал, что «методами критики источников, выработанными уже к этому времени за рубежом, Ломоносов не владел», что его представления «о начале русской истории отвечали уровню полуученых-полудилетантских изысканий его времени» и что он в истории «сознательно творил миф», обслуживающий «заранее заданные тезисы о величии и древности предков русского народа...», но так и «не смог подарить народу ни полноценный научный труд о прошлом России, ни новый вариант мифа, приемлемый для массового читателя». В 2004 г. он заключал, что если немцы – «кастовые специалисты» – «несли в Россию строгую науку, не задумываясь, как она тут будет воспринята», то для Ломоносова – «дипломированного функционера» – история являлась не одной «из областей познания реального мира», а разновидностью риторики, что для него «характерна старая донаучная манера составления истории». И, как Формозов впервые предъявлял Ломоносову претензии со стороны археологии (ну, кругом виноват!), «идея обслуживания наукой политических лозунгов – функционерства, – выдвинутая Ломоносовым, была чревата большими опасностями для дальнейшего развития русской археологии. К счастью, провести в жизнь эту программу тогда не удалось...»³⁴.

В 2000–2005 гг. д.и.н. историк Т.А. Володина убеждала, что «официальный бард в елизаветинское время» и знаменитый автор «од и похвальных слов» Ломоносов, которым «владела пламенная страсть, которую можно выразить в одном слове – Россия. Она подвигла его

³⁴ Формозов А.А. Классики русской литературы и историческая наука. М., 1995. С. 9–11, 14, 16–28; *его же*. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М., 2004. С. 15–16, 17–20.

вязаться в драку с Миллером и серьезно заняться изучением российской истории...», выработал «национально-патриотическое» видение русской истории, которое было рождено «из переживания комплекса неполноценности» и которое являлось «главным стержнем всех его исторических трудов», что он «был слишком увлечен своим национально-патриотическим чувством, чтобы холодно взвешивать факты на весах исторической критики. В патриотической запальчивости он не особенно считался со средствами, доказывая величие русского народа», что Ломоносов писал «с национальным пафосом», под воздействием «гипертрофированного национального воодушевления», что положения, высказанные им в ходе дискуссии с Миллером, содержали «много наивного» (например, произведение россиян от роксолан) и что, наконец, «широта и размах ломоносовской натуры, которые вносили в чинные заседания академической Конференции привкус хмельного ушкуйничества, наряду с научными заслугами подкреплялись и высокими связями академика»³⁵.

В 2006 г. специалист по малым народам Крайнего Севера д.и.н. А.В. Головнев, касаясь обсуждения речи-«диссертации» Миллера, заключил: «Историк Миллер понес наказание за несвоевременное знание, а просветитель Ломоносов одержал верх, мобилизовав свои дарования ученого, поэта, ратора и придворного дипломата. Он не только изучал историю, но и вершил ее по своему разумению на благо своего народа – он даже стихи писал исключительно для пользы «любезного отечества». Однако, ополчившись на «норманнизм», Ломоносов выразил стихийный бунт русского народа против собственной истории»³⁶ (что хотел сказать этнограф последними словами, не могу, признаюсь, понять).

В 2009–2010 гг. д.и.н. археолог Л.С. Клейн говорил о безосновательных «крикливых ультрапатриотических эскападах Ломоносова», но которые этот «ломоносовед» излагает «с симпатией» (все же до чего заразен этот «ультра-патриотизм», спасенья нет!), о низкой оценке его трудов (его «Древнейшая Российская история», в которой «подбор источников скудный и неудачный», есть «скорее политическое сочинение, чем исследование»), что он «искал в истории прежде всего основу для патриотических настроений...», что с русскими летописями он не работал, что некоторые его аргументы «совсем плохо вязались с фактами, даже если судить с точки зрения требований науки того времени», что «Ломоносов написал совершенно фантастическую, но лестную для России историю...», что он, выступив против «диссертации» Миллера, выступил «против оскорбления патриотических чувств...», по причине чего, «стремясь парализовать противников», «использовал в борьбе не только научные опровержения, но чисто политические обвинения», что «был предвзятым и потому никудышным историком, стремился подладить историю к политике и карьерным соображениям, и в их споре был, несмотря на частные ошибки, несомненно, кругом прав Миллер» и что «нам теперь издалека очень хорошо видно», что немецкие академики Байер, Миллер, Шлецер «блюли пользу науки, а Ломоносов мешал ей»³⁷.

И Клейн с Ломоносовым – одним из создателей русской науки и славного МГУ, неустанно способствовавшим «приращению наук в отечестве» и всю жизнь, по емкой характеристике академика Я.К. Грота, искавшим «истины, любя выше всего науку»³⁸, несколько

³⁵ Володина Т.А. История в пользу русского юношества: XVIII в. Тула, 2000. С. 12–43; *ее же*. У истоков «национальной идеи» в русской историографии // ВИ. 2000. № 11–12. С. 5–18; *ее же*. Учебная литература по отечественной истории как предмет историографии (середина XVIII – конец XIX вв.). Автореф... дис... докт. наук. М., 2004. С. 31–33, 38–39; *ее же*. Учебники отечественной истории как предмет историографии: середина XVIII – середина XIX в. // История и историки. 2004. Историографический вестник. М., 2005. С. 110–114.

³⁶ Головнев А.В. Исторический опыт межнационального взаимодействия на севере Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской Академии наук / Под ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодина, В.А. Тишкова. Кн. 1. М., 2006. С. 313–314.

³⁷ Клейн Л.С. Спор о варягах. С. 8, 21–24, 89, 201, 217, 240, 252, 254–255, 258; *его же*. Трудно быть Клейном. С. 136–138, 614.

³⁸ Грот Я.К. Указ. соч. С. 5.

не церемонится – он же антинорманист. Не церемонится еще и потому, что ломоносовофобия, густо замешанная на хамстве, возведена в норманнизме в правило.

Эти же антиломоносовские настроения присутствуют, что весьма показательно, в работах ученых, совершенно далеких от истории. Так, кандидат технических наук Э.П. Карпеев, специалист по осевым компрессорам корабельных газотурбинных установок, ощущая себя знатоком исторических идей Ломоносова лишь по причине своих норманистских взглядов, да еще того факта, что в прошлом стоял во главе музея нашего гения, говорил в 1996–1999 гг., что варяжский вопрос возник в области, «скорее, амбициозно-национальной, пламенным выразителем которой был Ломоносов», что он, «буквально взбешенный тем, что Миллер не критически воспринял летописную легенду о призвании варягов, кинулся в бой за честь русского народа» и «начал занятия историей не как историк-профессионал, а как русский патриот, поэтому и задачи, которые он ставил перед собой, были патриотическими...».

А в создаваемый «психологический портрет» Ломоносова Карпеев добавил – у норманистских фантазий нет границ и нет морали – еще такой грязный мазок: во время учебы в Славяно-греко-латинской академии ему приходилось жить «в углах, с дворовыми людьми, с которыми тоже не могло быть общих интересов, кроме, пожалуй, исподволь приобретенной под их влиянием склонности к «зеленому змию». В 2005 г. тот же «ломоносововед» рьяно взялся хоронить «миф о Ломоносове», созданный после Великой Отечественной войны для пропаганды «идеи превосходства всего русского над иностранным, а кто этого не признавал, объявлялся «безродным космополитом», преклоняющимся «перед иностранщиной»³⁹ (т. е. Ломоносов еще виноват и в преступлениях Сталина!).

В той же развязной норманистской манере размашисто «размышлял» о Ломоносове в 1999 г. доктор геолого-минералогических наук С.И. Романовский, специалист по процессам терригенного седиментогенеза. Не сомневаясь, что «фанаберия в крови у русского человека», что русским характерна «коллективная мания величия» и что «наша державная спесь», посредством возвеличивания Ломоносова в послевоенное время, «вновь была вознесена на недостижимую высоту», этот борец с «демагогическим псевдопатриотизмом» советского «ломоносоведения» (так в тексте!), по его словам, «непредвзято» и «без ненужной патриотической восторженности» ставит историку Ломоносову жирный «неуд». И этот «неуд» Ломоносову был поставлен не только как историку, но и как ученому вообще.

При этом Романовский говорит о «заносчивом и самолюбивом» Ломоносове, о его «изворотливом уме», «властном характере», «хитрости» и «напоре», без чего он не мог бы сделать академической карьеры, что он «позволял себе многое, вовсе не совместимое с его учеными занятиями... Он мог, к примеру, явиться на заседание Академии наук «в сильном подпитии», мог затеять драку в стенах Академии, мог оскорбить и унижить человека», что «грустная ирония исторической судьбы Ломоносова в том, что он, понимая патриотизм ученого, мягко сказать, весьма своеобразно, по сути сам преподнес советским потомкам свое имя, как идейное знамя борьбы с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом» (опять Ломоносов в обнимку со Сталиным).

Видя в столкновениях Ломоносова и Миллера столкновения «двух разных мировоззрений», «двух противоположных взгляда на науку», геолог знакомо вещает, что «идеологический» конфликт этих ученых развивался «под соусом не просто национального патриотизма, но национальных интересов, целесообразность ставилась выше истины и это, к сожалению, стало одной из неискоренных традиций русской науки», и что «не гнушался

³⁹ Карпеев Э.П. Г.З. Байер у истоков норманнской проблемы // Готлиб Зигфрид Байер – академик Петербургской Академии наук. СПб., 1996. С. 48–59; *его же*. Ломоносов // Исторический лексикон. XVIII век. Энциклопедический справочник. М., 1996. С. 418–419; *его же*. Г.З. Байер и истоки норманнской теории // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997. С. 23–25; *его же*. Русская культура и Ломоносов. М., 2005. С. 26–36, 130–133; Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь / Редактор-составитель Э.П. Карпеев. СПб., 1999. С. 67, 94, 105–106, 249.

Ломоносов писать на Миллера доносы и в высшие сферы, наклеивая на него ярлык «анти-патриота»⁴⁰ (Ломоносов и слова-то такого не знал).

Особенную антиломоносовскую прыть проявил молодой историк К.А. Писаренко, в 2003 г. изобразив Ломоносова в книге «Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны», изданной в «Молодой гвардии», в качестве «известного на всю округу хама и скандалиста», «нахала», «хулигана», «грубияна», «человека дурного», «дебосшира», «наглеца», «грубияна и задиры», «русской выскочки», пьяного кутилы (который весной 1743 г. «с горя все чаще и чаще прикладывался к вину и водке у себя дома или в ближайшем трактире»), «беспутного гения», «невоспитанного» и «неотесанного мужика», имевшего слишком взбалмошный и скверный характер и не обладавшего «внутренним благородством» («без зазрения совести вылил ушаты грязи на своего учителя» Генкеля, «фактически» оклеветал его, «ему ничего не стоило по любому поводу обматерить человека или ударить кулаком в лицо», старался «посильнее оскорбить или унижить ненавистных немцев», «часто нарочно приходил на Конференцию навеселе. Скандалил, ругался и угрожал побить академиков при первом же удобном случае», став адъюнктом, «несколько расслабился и в свободное от занятий наукой время принялся снова злоупотреблять алкоголем и безобразничать. Ему все сходило с рук благодаря протекции» Шумахера, но Ломоносов предал его»), и пр., и пр., и пр.

А в 2009 г. на страницах «российского исторического журнала» «Родина» (бедный-бедный Ломоносов, какую «высокую благодарность» заслужил от «Родины»!) Писаренко представил создателя нашей науки и просветителя «смутьяном и гулякой», «ленивым студентом», «забиякой-адъюнктом», «непутевым-адъюнктом», «нахальным адъюнктом», «хулиганом», «преступником», «грубым мужиком с импульсивным, неуравновешенным характером», у которого нрав «оказался на редкость скверным, взбалмошным и драчливым», «необузданным», «ужасным» и «воинственно-бешеным», который обращался «с подопечными грубо», оскорблял или унижал «почтенных профессоров-иностранцев». Возненавидев Шумахера, который, «не выпячивая собственных заслуг, вывел его в люди и гарантировал полное раскрытие его незаурядных способностей», Ломоносов, опираясь на Шуваловых, объявил ему «и окружающим советника «немцам», «врагам русской науки», настоящую войну»⁴¹.

Число создателей таких гнусных гадостей про Ломоносова, которого искренне, без всякого на то указа чтит вся Россия, чтит и гордится им, только прибывает, но им надо обязательно знать, кто они есть на самом деле, знать, что сказал в 1912 г. В.В. Розанов в адрес таких же «писаренко», отравляющих своими «писаниями» сознание русских людей: «Что их просто следовало вывести за руку, как из-за стола выводят господ, которые вместо того, чтобы кушать, начинают вонять»⁴².

Дикость вандалов – понятна. Но дикость современных и, казалось, образованных людей остается за пределами понимания нормального человека. Потому что нормальный человек знает, что главное мерило всему – нравственность. Вопрос нравственности ученого имеет первостепенное значение еще и потому, что этот вопрос напрямую связан с принципами научности и историзма, потому, что сама нравственность является важнейшим принципом науки вообще, ибо наука без нравственности – т. е. безнравственная наука – обязательно обернется катастрофой для общества. Тем же, кто путает свободу творчества со свободой от нравственных обязательств и выдает белое за черное и наоборот, стоит задуматься над сло-

⁴⁰ Романовский С.И. Наука под гнетом российской истории. СПб., 1999. С. 5–6, 52–73.

⁴¹ Писаренко К.А. Повседневная жизнь русского Двора в царствование Елизаветы Петровны. М., 2003. С. 294–304, 328–342, 351–354, 835, прим. 7; *его же*. Ломоносов против Шумахера. Столкновение мнимых врагов // Родина. 2009. № 2. С. 65–68.

⁴² Розанов В.В. Опавшие листья (Короб второй и последний) // *Его же*. Уединенное. Сочинения. М., 1998. С. 757.

вами А.С. Пушкина, обращенными к их духовным предтечам (в данном случае, «Видоку» – Ф.В. Булгарину, поляку по происхождению): «Простительно выходцу не любить ни русских, ни России, ни истории ее, ни славы ее. Но не похвально ему за русскую ласку марать грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев»⁴³.

Слова великого русского поэта ясно показывают, что марание «грязью священных страниц наших летописей» и издевательство «над гробами праотцев» имеют в России давнюю традицию (у нас почему-то всегда очень хорошо приживается самое плохое). Но традиции тогда хороши, когда они работают на благо. А унижение и поношение своего – это не просто низко и подло, это еще только во вред, ибо из них проросли революционеры всех мастей и страшный для России 1917 год.

В норманнистской ненависти к Ломоносову за его принципиальную позицию по отношению к началам русского мира обращает на себя внимание не только настойчивое стремление представить его – символ самой России – и не историком, и не ученым вообще (причем это пишут не просто его соотечественники, а прямые его потомки по линии науки), а человеком вообще недостойным, по Писаренко, не обладавшим «внутренним благородством», проще, «хамом» и «невоспитанным мужиком». Не могу себе даже в самой малой степени вообразить, чтобы такую грязь выливали, да еще с визгливой радостью, например, в Польше на Коперника, в Италии – на Леонардо да Винчи, в Германии – на Гете, в Англии – на Ньютона.

Параллельно с тем идет преднамеренная и настойчивая дискредитация чувства патриотизма, т. к. антинорманнистская позиция ученого преподносится лишь как проявление его неумеренного патриотизма (по Клейну, «ультра-патриотизма») и ненависти к немецким ученым. Читатели, слушатели, студенты, школьники, которым твердят такое постоянно, забудут затем детали этой позиции, но в их сознании, во-первых, прочно закрепится образ Ломоносова-неисторика, неспособного быть историком по причине того, что был, по словам Клейна, «страстным патриотом»⁴⁴, а во-вторых, им так ненавязчиво внушается, что быть патриотом – это «не есть хорошо».

Но без патриотизма не было бы России, как не было бы Франции, Германии, Англии, Америки. Как вообще не было бы сейчас ни одного государства и ни одного народа. «Патриотизм правит миром». Эти слова произнес великий французский патриот и великий француз Шарль де Голль, спасший не только Францию, но и ее честь. И спас потому, что любил свою замечательную Родину, как любят свои замечательные Родины все психически нормальные люди. Поэтому марать, оплевывать и слово «патриотизм», и светлое чувство любви к Родине, из-за которого на Руси и в России шли и не раз еще пойдут на великие самопожертвования, никому не позволительно. Ибо это основа нашего сегодняшнего и будущего бытия. Возможно, что если бы в канун Великой Отечественной войны так массово охаивали и осмеивали патриотизм, то у нас могло и не быть Великой Победы 9 мая 1945 года. Впрочем, как бы не было и всех нас – что норманнистов, ополчившихся на Ломоносова и на русскую историю, что антинорманнистов.

Наука без дискуссий немыслима, но научная дискуссия по любому вопросу должна вестись именно научно, и в ней не может быть места ни оскорбительно-пренебрежительному тону в отношении представителей противоположной точки зрения, ни жонглированию терминами «патриот» и «непатриот», дезориентирующему молодежь как в плане науки, так и в плане мировоззренческих ценностей. В такой дискуссии должны господствовать только

⁴³ Пушкин А.С. Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений // *Его же. Собрание сочинений*. В 10 томах. Т. 6. М., 1976. С. 294.

⁴⁴ Клейн Л.С. Спор о варягах. С. 21.

факт и только доказательства. И, разумеется, очень уважительное отношение к истории и ее деятелям – и к самым большим, и к самым маленьким.

Вместе с тем весьма показательна реакция науки на отношение норманнистов к Ломоносову, ибо она молчит, за редчайшим исключением. Хотя такое глумление над Ломоносовым, имеющим для нашего самосознания сакральное значение, давно могло остановить Отделение историко-филологических наук нашей Академии. Остановить потому, что глумятся прежде всего над его историческими трудами, по которым русское общество впервые стало знакомиться со своим славным прошлым и из которых оно набиралось силы и духа для ярких побед второй половины XVIII – начала XIX в., включая разгром Наполеона. На кощунственную пляску на могиле Ломоносова также давно должен был решительно отреагировать МГУ, обязанный ему своим рождением и носящий его имя. Против такого издевательства и над своим великим земляком, и над нашей памятью и историей дружно могли подняться и ученые-архангелогородцы.

Тем более, что антиломоносовские настроения из сочинений «ломоносоведов»-гуманитариев проникают в сочинения представителей других наук. И уже там формируется пренебрежительно-негативное представление о Ломоносове-естественнике. Вот что пишет доктор наук и геолог Романовский: «Так что невспаханное поле русской науки того времени дало возможность Ломоносову стать первым разработчиком многих проблем физики, химии, геологии. Он и остался первым, но только в нашей национальной науке. К тому же у него не было ни учеников, ни научной школы, чтобы обеспечивало бы преемственность и гарантировало уважение к имени зачинателя»; «его имя сохранилось лишь в истории нашей национальной науки. История же мировой науки вполне может обойтись без него»⁴⁵.

⁴⁵ Романовский С.И. Указ. соч. С. 53–54.

Ломоносов: универсальный человек

И опять ложь, потому что история мировой науки не обошлась без Ломоносова, и современная ему мировая наука смотрела на него совершенно иначе, чем это делает сейчас «непредвзятый» ученый россиянин Романовский (видимо решивший, устав от непосильных научных трудов по изучению процессов терригенного седиментогенеза, пойти по легкому пути Герострата). Для этого достаточно ознакомиться с решением Шведской королевской академии наук, где сказано, что «химии профессор Михайло Ломоносов давно уже преименитыми в ученом свете по знаниям заслугами славное приобрел имя, и ныне науки, паче же всех физические, с таким рачением и успехами поправляет и изъясняет, что королевская Шведская академия наук к чести и к пользе своей рассудила с сим отменитым мужем вступить в теснейшее сообщество. И того ради Шведская королевская академия наук за благо изобрела славного сего г. Ломоносова присоединить в свое сообщество...» (в состав этой академии Ломоносов был избран в апреле 1760 г. единогласно).

Великий Л. Эйлер в отзывах на его исследования отмечал, что «все записки г. Ломоносова по части физики и химии не только хороши, но превосходны, ибо он с такою основательностью излагает любопытнейшие, совершенно неизвестные и необъяснимые для величайших гениев предметы, что я вполне убежден в истине его объяснений; по сему случаю я должен отдать справедливость г. Ломоносову, что он обладает счастливейшим гением для открытий феноменов физики и химии; и желательно бы было, чтоб все прочие Академии были в состоянии производить открытия, подобные тем, которые совершил г. Ломоносов». И другие научные авторитеты той эпохи, например, француз Ш.М. Кондамин, немцы Г. Гейнзиус, И.Г.С. Формей, Г.В. Крафт отзывались о работах Ломоносова очень высоко. Его учитель Х. Вольф 6 августа 1753 г. написал ему, не скрывая искреннего восхищения трудами своего русского ученика: «С великим удовольствием я увидел, что вы в академических «Комментариях» себя ученому свету показали, чем вы великую честь принесли вашему народу. Желаю, чтобы вашему примеру многие последовали».

И примеру Ломоносова действительно следовали многие, в том числе и за рубежом. В издававшихся в Голландии научных журналах *Journal des savants*, *Journal encyclopédique*, *Nouvelle bibliothèque germanique*, имевших широкое распространение по всей Европе *Journal des savants* (число только читателей *Journal des savants* насчитывало около 10 000), давалась информация о результатах научных изысканий Ломоносова, печатались пространные отзывы на его статьи, которые постоянно публиковались в «Комментариях Петербургской Академии наук». Тем самым они становились известными его европейским коллегам. Получали коллеги и сами «Комментарии», выходившие на латинском языке. Получали и пользовались идеями и результатами опытов Ломоносова.

С веками за рубежом о Ломоносове не забыли. Вот что говорил о нем в 1912 г. американский историк науки Г. Сартон, знавший историю последней куда лучше геолога Романовского с его терригенным седиментогенезом: что он «действительно, является предшественником Лавуазье со всех точек зрения...» и что он «предугадывал законы сохранения материи и движения». Число защитников Ломоносова из иностранных ученых не ограничивается только Сартонем. Так, в 1960 г. коллега Ломоносова бельгийский доктор химических наук Р. Леклерк отмечал, что «универсальный человек» Ломоносов «опровергает теорию флогистона и формулирует закон сохранения массы и энергии» и что «он не ограничивается столь модной в то время интуицией. Он проверяет в лаборатории». Причем Леклерк, полагая, что именно работы русского ученого «окончательно опровергли теорию флогистона», задается вопросом, «почему же от нее отказались лишь после Лавуазье». И отвечает, что, во-пер-

вых, «Ломоносов слишком опередил свое время и потому был не понят». Во-вторых, «здесь играло роль влияние немецких ученых, державшихся особенно за теорию флогистона».

В 1921 г. академик В.А. Стеклов сказал, что Ломоносов родился великим человеком, но родился не вовремя, «опередив свой век более чем на сто лет, и потому в тех проявлениях своего гения, которые дают ему право на действительное величие, не был оценен по достоинству не только своими современниками, но и сто лет спустя: об ученых трудах Ломоносова скоро забыли, не поняв их важности и значения». Эти слова, как и слова Леклерка, позволяют в какой-то мере понять объективно-субъективно сложившуюся несправедливость, лишившую Ломоносова многих научных приоритетов. И одна из задач ученых и прежде всего, конечно, соотечественников Ломоносова, как раз и заключается в том, чтобы ликвидировать эту несправедливость, а не приумножать ее.

И вместе с тем молодежи в качестве прекрасного примера для подражания рассказывать, какую гигантскую работу проделал над собой в их лета Ломоносов. Как говорил в 1911 г. В.И. Вернадский, «на заре новой русской истории из глухой деревушки северного Поморья поднялась мощная и оригинальная фигура М.В. Ломоносова. Ни раньше, ни позже в нашей стране не было своеобразной, более полной творческого ума и рабочей силы личности. Еще в 1731 г. Ломоносов был полуграмотным крестьянином, через 10 лет он стоял – по тому, что было ему известно и что было им понято, – в передовых рядах человечества»⁴⁶. Можно не сомневаться, что наши молодые люди, приняв слова Вернадского и разумом, и сердцем, не убоятся тягот учения и многого достигнут. Достигнут, верой и правдой служа Отечеству, как верой и правдой служил ему Ломоносов – великий русский мыслитель и патриот (а беззаветное служение им «любезному Отечеству», «пользе и славе Отечества» очень не нравится современным норманистам).

Но таким же патриотом, надлежит подчеркнуть, был и Миллер, которого норманисты искусственно превратили в совершеннейший антипод Ломоносова, не замечая факта его отказа после дискуссии по речи-«диссертации» от ложных идей норманизма. Миллер, прибыв в Россию в 1725 г. и став ее подданным в 1748 г., также верой и правдой служил своему новому Отечеству долгую жизнь. И в этой жизни были и взлеты, и падения. Однако не об этом думал историк в 1775 г., когда писал в автобиографии: «Итак, служу я Российскому государству пятьдесят лет и имею то удовольствие, что труды мои от знающих людей несколько похваляемы были. Сие побуждает во мне желание, чтоб с таковым же успехом и с общенародною пользою продолжать службу мою до последнего часа моей жизни, чувствуя себя к тому Божиим милосердием еще в нарочитых силах»⁴⁷.

Действительно, и служил, как истинный патриот, общенародной пользе честно до последнего вздоха, и труды его «похваляемы» были куда больше, чем он сам мог написать. Прекрасный пример жизни этого человека, один лишь только его сибирский подвиг – почти десятилетняя и многогранная работа в Сибири – также благотворно скажется на воспитании подрастающего поколения. К сказанному следует добавить, что в апреле 1780 г. Миллер, «испрашивая» у Екатерины II, «чтоб меня пожаловали небольшим числом недвижимого деревенского имения в наследство...», подчеркнул, вместе с тем с гордостью упомянув своих сыновей: «Чрез то награждена будет и пятидесятилетняя моя в России служба, по коей

⁴⁶ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 2. М., Л., 1951. С. 647–652; Т. 3. М., Л., 1952. С. 538–543, 550–555; Т. 10. С. 229, 284, 314–315, 392, 504–505, 541–543, 572–580, 598, 673, 735, 799–800, 850, 873–874; Билярский П.С. Указ. соч. С. 029–032, 68–69, 77, 781–782; Куник А.А. Сборник материалов для истории императорской Академии наук. Ч. II. СПб., 1865. С. 385; Пекарский П.П. Дополнительные известия... С. 94–98; Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. М., 1988. С. 58; Стеклов В.А. Указ. соч. С. 5; Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова. С. 110, 113–114, 247–248; М.В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. М., Л., 1962. С. 11; Ланжевэн Л. Указ. соч. С. 27–62; Кладо Т.Н. Бельгийский ученый Рене Леклерк о Ломоносове // Ломоносов. Сборник статей и материалов. Т. VI. С. 301–303 (две последние работы переизданы в кн.: Слово о Ломоносове).

⁴⁷ Автобиография Г.Ф. Миллера. Описание моих служб // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М., 1999. С. 157.

во всей империи нет старее меня служителя, действительно в службе находящегося. А дети мои, коих я воспитал для услужения отечеству – и действительно они служат капитанами – прямые будут сыны отечества, потому что иностранный человек, пока он в России не исполнен, всегда будет иностранцем»⁴⁸.

Довольно показательно, что Клейн в газете «Троицкий вариант – наука» с особенным нажимом говорит, стараясь любыми способами дискредитировать Ломоносова как историка, о его желании угодить императрице (в первую очередь имеется в виду его «Слово похвальное императрице Елизавете Петровне»), т. е. этот великий муж и не совсем-то великий и бескорыстный, а ловкий приспособленец, льстиво воспевавший венценосцев. И опять все не так.

Весной 1749 г. «друзьям-неприятелям» Ломоносову и Миллеру было поручено от имени президента Академии выступить на ее торжественном заседании, назначенном на 6 сентября (на следующий день после тезоименитства императрицы): Ломоносову – с похвальным словом Елизавете Петровне, Миллеру – с «сочинением об ученой материи» (и тему сочинения – «О происхождении народа и имени российского» – он избрал сам, хотя ею до этого никогда не занимался). По академическим правилам оба эти произведения, или, по тогдашнему наименованию, «диссертации», были подвергнуты обстоятельной экспертизе со стороны их коллег – академиков и адъюнктов. И если речь-«диссертация» Миллера была отклонена ими, то похвальное слово Ломоносова они одобрили. И нисколько в том не ошиблись. «Слово похвальное императрице Елизавете Петровне» Ломоносова снискало рукоплескания слушателей и при жизни автора выдержало четыре издания. Весьма восторженно оно было встречено за границей. Так, Л. Эйлер увидел в нем «настоящий шедевр в своем роде». Позже Евгений Болховитинов отметил, что оно «было таким примером панегирического красноречия, с которым тогда нечего было россиянам сравнять или, по крайней мере, нечего было предпочесть ему»⁴⁹.

И ничего, конечно, необычного не было в теме выступления Ломоносова, ибо выступать в подобном жанре было традицией и обязанностью академиков, а вместе с тем очень большой честью и для них, и для самой Академии. Так, 1 августа 1726 г., т. е. за 23 года до Ломоносова, Г.З. Байер «произнес хвалебную речь в честь императрицы» Екатерины I «в ее высочайшем присутствии» на втором публичном, как пишет Миллер, собрании Академии наук. Сам Миллер выступил в 1762 г. с речью на Академическом собрании в честь Екатерины II. П.П. Пекарский отмечает, что «к торжественному заседанию Академии наук по случаю коронования Елизаветы, 29 апреля 1742 года, бывший академик Юнкер, любимец графа Миниха, теперь сосланного, певец бироновского величия, тайком передавший известия о России саксонскому правительству, написал оду в прославление новой императрицы»⁵⁰. Эта ода на русский язык была переведена Ломоносовым и включена в 8-й том его «Полного собрания сочинений». И вот что говорил немец Юнкер в адрес русской императрицы через несколько месяцев после ее восшествия на престол (по замечанию Миллера, Юнкер стихи писал «не приготавливаясь, на всякий представлявшийся ему случай»):

...Ты Мать России всей. Когда Олимп давал таких Монархов славных? ... В Тебе дивимся мы премудрости Творца, В талантах что Твоих венца достойных зрится... Тебя Творец для нас до времени скрывал, Когда прემеменный рок бедами нас смущал. ... Довольно, небо, будь потоком слез людских; Поставь уж с нами мир за кровь рабов своих... Вздыхает

⁴⁸ Пекарский П.П. История... Т. I. С. 400.

⁴⁹ Пекарский П.П. История... Т. II. СПб., 1873. С. 403–409; Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 8. М., Л., 1959. С. 956–957; Летопись жизни и творчества М.В. Ломоносова. С. 156, прим. 31.

⁵⁰ Миллер Г.Ф. История императорской Академии наук в Санкт-Петербурге // *Его же. Избранные труды*. М., 2006. С. 488, 513; Автобиография Г.Ф. Миллера. С. 155; Пекарский П.П. История... Т. II. С. 324; Алпатов М.А. Неутомимый труженик. О научной деятельности академика Г.-Ф. Миллера // Вестник АН СССР. 1982. № 3. С. 122.

верность так, того Россия ждет. Тебе Всесильного рука венец дает, Где непорочный лавр, где чист жемчуг и ясный Тебе, Монархиня, наш Ангел мира красный.

За четыре месяца до Юнкера, т. е. всего лишь через несколько дней после воцарения Елизаветы, академик Я.Я. Штелин в поздравительной оде по случаю дня ее рождения писал (ода, переведенная также Ломоносовым и читаемая в том же 8-м томе, была опубликована 8 декабря 1741 г.):

Какой утечи общей луч В Российски светит к нам пределы, Которой свет прогнал тьму тучь? ... Надежда, Свет России всей, В Тебе щедрота Божья зрится... ... Отческой земли любовь Коль долго по Тебе вздыхала: «Избавь, избавь Российску кровь От злаго скорбных дней начала. Достойна на престол вступи, К присяге мы готовы вси. Отдай красу Российску трону По крови, правам и закону». ... Елисаветы долги лета Прибавят Отчей славе света.

Как подчеркивали в 1959 г. Т.А. Красоткина и Г.П. Блок, немцы Шумахер и Штелин очень «спешили громогласно выразить преданность новой императрице. Этим объясняется та торопливость, с какой издана была публикуемая ода: она была задумана, сочинена по-немецки, переведена на русский язык, одобрена, набрана и отпечатана на протяжении всего тринадцати дней»⁵¹.

И Миллер в 1749 г. в конце своей речи-«диссертации» приносил «всещедрому Богу искреннейшия наши благодарения за показанныя нам всемилостивейшею нашею государынею великия и неизреченныя щедроты», восхвалял ее премудрость, великодушие, храбрость, миролюбие, прозорливость, благоразумие, справедливость, природную кротость, чрезвычайное человеколюбие, милость. Восхваляя Елизавету Петровну за необыкновенные качества, свое сочинение он заканчивает на самой торжественной ноте: «Такое государственование может служить в пример всем другим державам. Не найдут славы толь истинной и постоянной, как колико владетели подражать будут всемилостивейшей нашей государыни, а подданные с нашим благополучным состоянием сравняемы быть могут. Напоследок да возводим сердца наши к всемогущему богу, и просим, дабы он всеавгустейшую нашу монархиню для славы российского народа, для пользы сея империи и всея Европы, для приращения наук, и для утешения всех верных подданных сохранил в непоколебимом здравии и благосостоянии до самых поздних времен человеческой жизни».

Остается добавить, что правитель Академической Канцелярии И.Д. Шумахер, передавая Ломоносову приказ президента Академии наук К.Г. Разумовского написать похвальное слово императрице, указывал, что должен сказать в своей речи докладчик: ему «следовало вменить в обязанность, «чтоб он не забыл в диссертации приписать похвалу основателю Академии государю императору Петру Великому и покровительнице ныне достохвально владеющей государыне императрице»⁵².

Как я понимаю смысл упрека Клейна Ломоносову, то он бы уж точно тогда не стал угождать императрице и сказал бы ей в лицо всю правду и о ее папаше с его Полтавой, и о ней самой, родившейся в год этой преславной виктории с «синдромом Полтавы». А потом бы выкинул, забравшись на телегу или дровни (броневиков ведь тогда не было), лозунг «Долой самодержавие» и повел бы народ на баррикады, чем бы приблизил победу то ли Февраля 1917 г., то ли Октября того же года лет так на 170, а то и более.

А слова «угождавшего императрице» Ломоносова «нас рабство под твоей державой украшает» Клейн приводит в «Троицком варианте» из стихов к проекту иллюминации к годовщине восшествия на престол Елизаветы Петровны 25 ноября 1747 г. (проект был подготовлен профессором Х. Крузиусом). Причем эти слова, что несколько не удивительно,

⁵¹ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 53–58, 69–80, 887–888, 891.

⁵² Миллер Г.Ф. О происхождении имени и народа российского // Фомин В.В. Ломоносов. С. 398; Пекарский П.П. История... Т. II. С. 401–402.

переданы им неверно: в оригинале сказано «нас рабство под твоей державой возвышает»⁵³. Но такие слова представляют собой всего лишь штамп тех лет, которым выражали верноподданнические чувства. И буквально их, естественно, понимать нельзя. Как нельзя буквально понимать известную всем фразу, которая и сегодня еще часто звучит: «Ваш покорный слуга».

⁵³ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 195.

Сказки древних норманнистов в переложении Клейна

Говоря о моих работах по варяго-русскому вопросу, Клейн в «корректной» манере утверждает в любимом своем варианте науки – «Троицком», что хотя я и давно изучаю этот вопрос, но «с очень отсталой методикой, мало отличимой от методики Ломоносова (выводы также схожи)».

Очень прискорбно, конечно, что такие слова о Ломоносове произнесены со страниц газеты, которая позиционирует себя с наукой, но забывает, что наука накладывает на всех, кто берется выступать от ее имени, очень серьезные обязательства. И если бы эта газета хотя бы немного, но именно научно проработала эту тему, то бы поняла, что методика Ломоносова есть знание источников, знание фактов и прорастающая из этого стройная система доказательств. Тогда как «метода» Клейна – это просто мнение, которому придает кажущуюся убедительность его многократное и шумное повторение хором норманнистов. И мнение бездоказательное, типа того, что произнес в 1735 г. Байер: «Сказывают же, что варяги у русских писателей были из Скандинавии и Дании дворянской фамилии товарысчи на воинах и служивые у русских солдаты, царские ковалергарды и караульные на границах, такоуж к гражданским делам и к управлениям допущены от оных, потому все до одного шведы, готландцы, норвежцы и датчане назывались варягами»⁵⁴.

Вот все те же сказки первой трети XVIII в. и рассказывает Клейн (идя что «налево», идя что «направо»), хотя на дворе уже давно XXI столетие. Одна из них состоит в том, что в «Сказании о призвании варягов» варяги, называемые русью, стоят в одном ряду исключительно со скандинавами, следовательно, «варяги могут быть частью шведов (не состоявшей под властью шведского конунга)...». Но в известии под 862 г. – послы «идоша за море, к варягом, к руси; сие бо тии звахуся варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, анъглыне, друзии гъте, тако и си» – русь специально выделена из числа других варяжских, говоря сегодняшним языком, западноевропейских народов и не смешивается со шведами, норвежцами, англами-датчанами и готами: «И пошли за море к варягам, к руси, ибо так звались варяги – русь, как другие зовутся шведы, иные же норманны, англы, другие готы, эти же – так». Если же руководствоваться логикой Клейна, то тогда, согласно перечню «Удела Иафета», русь следует считать угро-финским и балтийским племенем одновременно, т. к. она стоит в одном ряду с угро-финскими и балтийскими народами: «В Афетове же части седять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, морьдва, заволочьская чюдь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимегола, корсь, летьгола, любь».

То, что варяги и русь – не скандинавы, подтверждает и перечень «Афетова колена» (потомства), читаемый в недатированной части ПВЛ: «варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне, галичане, волххва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии...»⁵⁵. Очень хорошо видно, что русь и варяги в этом перечне названы в качестве особых народов, которые стоят, как и другие народы – волохи, римляне, венецианцы, генуэзцы «и прочии», отдельно от шведов, отдельно от всех норманнов. Также очень хорошо видно, что перечень включает в себя не только скандинавов и не только германцев вообще и что в него входит большое число этнически не родственных им народов. И все они, разумеется, не могут быть отнесены лишь по причине нахождения среди них, например, скандинавов, римлян, немцев исключительно либо только к первым, либо только ко вторым, либо только к третьим.

Это понимали, надо сказать, и некоторые норманнисты прошлого. Так, в 1768 г. А.Л. Шлецер в «Опыте изучения русских летописей» был категоричен в своем выводе, покая-

⁵⁴ Байер Г.З. Указ. соч. С. 346.

⁵⁵ ЛЛ. С. 3–4, 18–19.

щемся именно на показаниях ПВЛ, что «Нестор ясно отличает русских от шведов» (и русь он тогда полагал на юге). В 1821–1823 гг. немецкий востоковед И.С. Фатер, обращая внимание на «столь очевидно бытие росов» на юге, заметил, что Нестор «сказал весьма ясно, что сии варяги зовутся русью, как другие шведами, англичанами: следственно, русь у него отнюдь не шведы». У Нестора, констатировал в 1825 и 1846 гг. М.П. Погодин, руссы – племя особенное, как шведы, англичане, готландцы и прочие, и он в одно время различает «именно русов и шведов». В 1875 г. немец А.А. Куник говорил по поводу перечня «Афетова колена», что антинорманнисты «в полном праве требовать отчета, почему в этнографическо-историческом введении к русской летописи заморские предки призванных руссов названы отдельно от шведов. Немудреным ответом, что это был бы только вопрос исторического любопытства, никто, конечно, не хочет довольствоваться»⁵⁶.

Немудренность довода Клейна про «тот ряд, в который поставлены варяги: шведы, норманны (урмане – т. е. норвежцы), англй, готландцы» демонстрируют и западные источники. Так, немецкий хронист Гельмольд (XII в.) сообщает, что саксонский герцог Генрих Лев в 1150-х гг. отправил «послов в города и северные государства – Данию, Швецию, Норвегию и Русь, – предлагая им мир, чтобы они имели свободный проезд к его городу Любеку». Эта грамота не сохранилась, но ее нормы повторил в 1187 г. император Священной Римской империи Фридрих I Барбаросса: «*ruteni, gothi, normanni et ceteri gentes orientales, absque theloneo et, absque hansa, ad civitatem sepius dictam veniant et recedant*», т. е. «русские, готландцы, норманны и другие восточные народы», получали право свободно приходить и покидать город «без налога и пошлины». «Любекский таможенный устав» подтвердил в 1220-х гг. установление императора: «В Любеке не платит пошлины. . . никто из русских, норвежцев, шведов. . . ни готландец, ни ливонец, равно как и никто из восточных народов»⁵⁷.

Из приведенных документов, где Русь и русские стоят в соседстве со скандинавскими странами, скандинавами и ливонцами, никак, конечно, не следует, что русских середины XII в. – первой трети XIII в. надлежит причислять к скандинавам и немцам или, наоборот, русскими непременно надо считать датчан, шведов, готландцев, норвежцев, ливонских немцев, а также некие «восточные народы». Нельзя так и южнобалтийских славян полагать норманнами, хотя они в привилегии римского папы Григория IV от 832 г. названы вместе с последними: «шведы, датчане, славяне»⁵⁸.

Совершенно ничего не дает Клейну и его утверждение, что «за море» «Сказания о призвании варягов», а там оно никак не уточнено, указывает только на Скандинавию. Аргумент, что летописное клише «за море» указывает исключительно на последнюю, точнее на Швецию, есть псевдоаргумент, довольно популярный в современной норманнистике, но давно развенчанный норманнистами и антинорманнистами, прекрасно знавшими, в отличие от нашего археолога, письменные источники.

Так, В.К. Тредиаковский в работе, завершенной в 1758 г., будто бы специально для Клейна объяснял, что «у нас быть за морем и ехать за море не значит проезжать чрез море, но плыть токмо по морю, куда бы то ни было в отдаленную страну. Ехать за море у нас, есть и сухим путем ехать от моря в другое государство; так ездили мы за море во Францию, в Италию и в Немецкую землю». В 1773 г. Г.Ф. Миллер также, наверное, для него подчеркнул, что «нет надобности считать жительство сие от Новгорода по ту сторону моря, то есть искать онаго в Швеции или Дании; ибо для совершенного о том понятия довольно и того, что варяги

⁵⁶ Schlözer A.L. Op. cit. S. 83, 86–89; Фатер И.С. О происхождении русского языка и о бывших с ним переменах // Вестник Европы. № 2. М., 1823. С. 113–128; № 3–4. С. 252–261; № 5. С. 39–51; № 7. С. 195–203; № 9. С. 14–23; Погодин М.П. О происхождении Руси. М., 1825. С. 110–115; его же. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. 2. М., 1846. С. 142–146; Дополнения А.А. Куника. С. 452.

⁵⁷ Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. С. 195; Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 386.

⁵⁸ Швеция и шведы в средневековых источниках. М., 2007. С. 36, прим. 51 на с. 34.

из отдаленной страны от какого-нибудь берега Восточного моря (Балтийского. – В.Ф.), яко сущие мореходцы, прибыли водою в страну Новгородскую». А.Л. Шлецер, отмечая, что варяги «пришли *из заморья*, так говорится во всех списках; следственно, из противоположащей Скандинавии», вместе с тем заметил: «Но это не составляет достаточного доказательства противу тех, которые все еще выводят варягов из Пруссии или Финляндии, следственно с берегов, лежащих *по эту сторону*» (а в качестве подтверждения своих слов он привел слова британца Беды Достопочтенного, называвшего пиктов и скотов, населявших ту же Англию, «заморскими людьми»).

Н.М. Карамзин, допуская возможность призвания варягов из Пруссии, а на том как раз и настаивал Ломоносов, критику в свой адрес отвел реальными фактами: «Варяги-русь... были *из-за моря*, а Пруссия с Новгородскою и Чудскою землею на одной стороне Балтийского: сие возражение не имеет никакой силы: что приходило морем, называлось всегда заморским; так о любекских и других немецких кораблях говорится в *Новгород. лет.*, что они приходили к нам *из-за моря*». В 1871 г. Д.И. Иловайский метко сравнил «за море» со сказочным «из-за тридевяти земель». В 1931 г. В.А. Мошин указал, что варяги призываются по-сказочному «из-за моря» – «за тридевяти земель», без указания их местожительства⁵⁹.

В моих работах, вышедших в 1995 и 2003 гг. и впервые специально посвященных анализу значения термина «за море» летописей X – XVIII вв., актового материала XII–XVIII вв., путевых записок русских послов XVI–XVII вв., повестей, былинной поэзии, продемонстрирован самый широкий географический диапазон его приложения нашими книжниками: Византия, Турция, Персия, Северное Причерноморье, Апеннинский полуостров, Швеция, Норвегия, многие центры балтийского Поморья и Ганзейского союза (например, города Юрьев, Рига, Любек), Пруссия, Англия, Франция, Нидерланды, в целом, вся территория Западной Европы (в 1712 г. В.Н. Татищев был отправлен «за моря капитаном для при-смотрения тамошняго военного обхожденья»: будущий историк из Польши, где квартировал его полк, был направлен в германские государства, в которых он посетил Берлин, Дрезден, Бреславль⁶⁰). И этим термином, восходящим к устному народному творчеству («за горами, за долами, за синими морями»), русские люди определяли нахождение земель, стран, народов и городов вне пределов собственно русских земель, независимо от того, располагались ли они действительно за морем или нет (т. е. он абсолютно тождественен понятиям «за рубеж», «за граница», а также известному «за бугром»). В связи с чем «за море» в чистом виде, без сопроводительных пояснений (этнических и географических) не может быть аргументом при любой версии этноса варягов, т. к. оно может относиться к любой точке балтийского Поморья, протяженность береговой линии которого составляет около 8 тысяч километров⁶¹.

Для примера можно сослаться на ту же ПВЛ, в которой читается «Сказание о призвании варягов». Так, в Лаврентьевском списке под 1079 г. сообщается о захвате хазарами в Тмутаракани черниговского князя Олега Святославича и дается первое пояснение к «за море»: «Олга емше козаре и поточиша и за море Цесарюграду». Под 1226 г., т. е. уже вне пределов ПВЛ, в Лаврентьевской летописи говорится, что «тое же зимы Ярослав, сын Всеволожь, ходи из Новагорода за море на емь», т. е. в земли финнов. В Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов термины «за море» и «из заморья» приложимы ко многим

⁵⁹ Тредиаковский В.К. Три рассуждения о трех главнейших древностях российских. СПб., 1773. С. 222; Миллер Г.Ф. О народах издревле в России обитавших. С. 84; Шлецер А.Л. Нестор. Ч. I. СПб., 1809. С. 274; Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 58, прим. 111; Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. М., 1876. С. 236; Мошин В.А. Начало Руси. Норманны в Восточной Европе // Byzantinoslavika. Ročník III. Svazek 2. Praha, 1931. С. 299.

⁶⁰ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 66; Кузьмин А.Г. Татищев. М., 1981. С. 28.

⁶¹ Фомин В.В. «Варяжское заморье» русских летописей (X–XVII вв.) // Дискуссионные вопросы российской истории. Арзамас, 1995. С. 21–27; его же. «За море», «за рубеж», «заграница» русских источников // Сб. РИО. Т. 8 (156). Антиномизм. М., 2003. С. 146–168.

территориям: Готланду (1130 г. – новгородцы «идуще и-замория с Гот»); 1391 г. – прибыли послы «из заморья... из Гочкого берега»), Дании (1134 г. – «рубаша новгородць за морем в Дони»; 1302 г. – «послаша послове за море в Доньскую землю»), Швеции (1251 г. – «прииде Неврюи... на князя Андрея; и бежа князь... за море в Свиискую землю»; 1300 г. – «придоша из замория свеи в силе велице в Неву»; 1339 г. – «послаша новгородци... за море к свеискому князю посольством»; 1350 г. – новгородцы разменяли шведских пленных на своих, которые «быле за морем у свеисаго короля у Магнуша»; 1392 г. – «пришедши из моря разбоинице немце в Неву»), к землям финских племен суми и еми (1311 г. – «ходиша новгородци воиною на Немецкую землю за море на емь»; 1318 г. – «ходиша новгородци воиною за море, в Полную реку (в земле суми. – В.Ф.)»); к восточнобалтийским городам Риге, Юрьеву, Колывани, к южнобалтийскому Любеку (1391 г. – «послаша новгородци послы на съезд с немци в Ызборьско... а немечкьи послове приихале из заморья, из Любока из городка, из Гочкого берега, из Риге, из Юрьева, из Колывания и из оных городов изо многих»)⁶².

Так что шли ли русские из своей земли по суше, плыли ли морем (Клейн что-то там говорит о каботажном плавании и плавании через открытое море), все для них было едино – «за морем», за границей. А продолжать твердить о никак не поясненном в «Сказании о призвании варягов» «за море», как это сейчас делают, помимо Клейна, Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин, И.Н. Данилевский, М.Б. Свердлов, В.А. Кучкин⁶³, что оно указывает только на Скандинавию (на Швецию и даже «точечно» на Бирку), – это значит специально выдавать желаемое за действительное (а так поступали и А.А. Куник, В.О. Ключевский, А.А. Шахматов и др., объявляя русского летописца «норманнистом» и тем самым также превращая ПВЛ – по своему лишь норманнистскому произволу – в оплот норманнизма). Само же желание норманнистов привязать «за море» только к Скандинавии вызывает в памяти чеховского горемыку Ваньку Жукова, по нешибкой грамотности отправившего письмо в никуда: «Подумав немного, он умакнул перо и написал адрес: *На деревню дедушке*. Потом почесался, подумал и прибавил: «Константину Макарычу».

⁶² ЛЛ. С. 198, 426; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., Л., 1950. С. 22, 23, 26, 91, 93, 95, 206, 208, 212, 304, 330, 331, 333, 337, 350, 362, 384, 385.

⁶³ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках: к истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2. С. 58, 62, 67; Мельникова Е.А. Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы (ДГВЕ). 1998 г. М., 2000. С. 145–146; Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. М., 1998. С. 62; Свердлов М.Б. Ладога IX–XII вв. в общерусском контексте // Ладога и истоки российской государственности и культуры. Международная научно-практическая конференция. 30 июня – 2 июля 2003 г. СПб., 2003. С. 176; Кучкин В.А. Был ли русский Север Варягией в праиндоевропейское время // Российская история. 2010. № 4. С. 195.

Фальсификаторы и фальсификации: вор кричит «держи вора!»

Слова же Клейна: «Ну сколько раз хватать фальсификаторов за руку», – которые он сказал по поводу моего утверждения о ничтожном наличии скандинавских вещей в Новгороде, когда там добыто 150 тысяч артефактов, есть свидетельство бессилия опровергнуть очевидное. А за руку ему надо хватать себя, вот бы всем уловам был улов – фальсификатор с огромным стажем. Да чтобы затем «Троицкий вариант – наука» непременно рассказал об этом событии, опять же не забыв поместить художественное фото главного героя и их, оказывается, постоянного автора.

Известный археолог Е.А. Рыбина в 2002 г. констатировала, что «коллекция предметов, собранная на раскопках в Новгороде за 1932–2002 годы, насчитывает в общей сложности более 150 тысяч изделий...», причем в это число не включен, подчеркну, массовый керамический материал. В 1997 г. она же указала, что «единичные скандинавские предметы (7 экз.) обнаружены и в самом Новгороде в слоях X в.»⁶⁴. Ранее, в 1979 г., М.В. Седова отмечала, что в процентном отношении число скандинавских находок (а все они не старше рубежа X–XI вв.) ничтожно «по сравнению с находками славянских, финно-угорских и балтских изделий...»⁶⁵. Настолько ничтожно, что даже норманисты относят эти находки к категории «случайных»⁶⁶. Практическое отсутствие скандинавских вещей в слоях Новгорода тем более поразительно, что для его культурных напластований характерна, как подчеркивается в литературе, «исключительная насыщенность древними предметами»⁶⁷. То есть древних предметов в Новгороде масса, а скандинавских, считай, нет совершенно.

И в этом я нисколько не виноват, так что Клейну нечего попусту возмущаться. Ему бы лучше избавиться от иллюзий, внесенных в науку «заморскими» и нашими норманистами, утверждающими, что Новгород был основан скандинавами, что он представлял собой их «собственный город-государство» и являлся «основной базой норманнов в Восточной Европе»⁶⁸, что в нем – а это уж кому что нравится: а) до начала XI в. был расквартирован на постоянной основе «засадный» норманнский корпус, б) в конце X – первой половине XI в. находился постоянный «большой или меньший контингент скандинавов: дружинников новгородских князей и наместников великого киевского князя, новоприбывших искателей богатства и славы, торговых людей», в) «постоянный контингент скандинавов, имевших теснейшие связи с Норвегией»⁶⁹.

⁶⁴ Рыбина Е.А. Новгород в системе балтийских связей // Славянский средневековый город. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2. М., 1997. С. 328; *её же*. Не лыком шиты // Родина. 2002. № 11–12. С. 138.

⁶⁵ Седова М.В. Скандинавские древности из раскопок в Новгороде // VIII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. Ч. I. Петрозаводск, 1979. С. 180–181.

⁶⁶ Мельникова Е.А. Новгород Великий в древнескандинавской письменности // Новгородский край: Материалы научной конференции. Л., 1984. С. 130.

⁶⁷ Петрова Л.И., Зайцева Л.В., Казаков В.Н. Работа над историко-археологическим опорным планом г. Новгорода. (К вопросу о мощности средневекового культурного слоя Новгорода) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. (Материалы научной конференции. Новгород, 26–28 января 1993 г.). Вып. 7. Новгород, 1993. С. 231.

⁶⁸ Пирсон Э. Викинги. М., 1994. С. 26; Скрынников Р.Г. Древняя Русь. Летописные мифы и действительность // ВИ. 1997. № 8. С. 7; Гвин Д. Викинги. Потомки Одина и Тора. М., 2003. С. 246–247, 255.

⁶⁹ Мельникова Е.А. Новгород Великий в древнескандинавской письменности. С. 129; Молчанов А.А. Новгород во второй половине IX – первой половине XI в. (жизнь топонима и история города) // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского государства. VIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 1996. С. 54; Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 543, 554.

Клейн даже говорит о «точных цифрах», согласно которым «норманнов в стратегически важных пунктах Северной Руси в IX веке было больше, чем славян». Но эти «точные цифры», которые он со своими учениками Г.С. Лебедевым и В.А. Назаренко привел в 1970 г. в статье «Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения», существуют только в его воображении. На неточность этой «точности» а la Клейн еще в 1971 г. указали историки А.С. Кан и А.Л. Хорошкевич (подчеркну, норманнисты), которые усомнились в правильности методики выяснения «процентного соотношения скандинавских с нескандинавскими курганами» и критериев отнесения «бедных вещами курганов, к числу скандинавских: каменная ограда вокруг кургана, находки в кострище обрядового печения, урна, поставленная на глиняную и каменную вымостку, – все эти детали обряда встречаются и у славян, и сами по себе еще не дают возможности определить этническую принадлежность памятников»⁷⁰.

Хотя для Клейна с учениками «определить этническую принадлежность памятников» – пара пустяков, ибо вера в норманнство варягов необыкновенные чудеса творит. И они, абсолютизируя находки, ими и их коллегами объявленные «скандинавскими», утверждали, что в X в. скандинавы – дружинники, купцы и даже ремесленники – составляли «не менее 13 % населения отдельных местностей» Руси (по Волжскому и Днепровскому торговым путям). По Киеву эта цифра выросла у них уже до 18–20 %, а в Ярославском Поволжье численность скандинавов, по прикидкам Клейна, Лебедева, Назаренко, уже «была равна, если не превышала, численности славян...»⁷¹.

И эта картина массового пребывания скандинавов на территории Руси рисовалась ими на основе подсчета камерных погребений середины и второй половины X в. Ладоги, Пскова, Гнёздова, Тимерева, Шестовиц под Черниговом, Киева, которые десятилетиями выдавались в науке в качестве захоронений норманнов, якобы входивших в высший слой «управленцев» восточными славянами. Но русские камерные погребения совершенно произвольно были увязаны, как и многое другое в русских древностях, со скандинавами. Ибо камерные гробницы Бирки IX в., на основании которых воцарилось мнение о норманнском характере сходных погребений на Руси, высказанное шведским археологом Т.Ю. Арне и затем активно закрепляемое в науке его учеником Х. Арбманом (посредством этих погребений они доказывали существование на Руси X в. норманнских колоний), не являются шведскими.

В 2002 г. археолог А.Н. Кирпичников констатировал, что камерные гробницы долгое время «считали шведскими, теперь же пришли к заключению, что даже в Бирке они не являются местными. Нахождение схожих гробниц в Западной и Северной Европе лишь усиливает интерес к их древнерусским параллелям и загадке их появления»⁷². Но о существовании «схожих гробниц в Западной и Северной Европе» науке известно очень давно, т. к. они открыты в Вестфалии, Богемии (Чехия), Польше, т. е. там, где скандинавов не было, и на данный факт указывал и Арне в 1931 г. (выводя этот обряд в Швецию из Западной Европы, на Русь он его переносил посредством скандинавов), и об этом же говорилось в советской литературе 1960—1970-х гг.⁷³

⁷⁰ Кан А.С., Хорошкевич А.Л. [Рецензия] Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. / Сб. статей. Л., Наука, 1970 // История СССР. 1971. № 6. С. 190.

⁷¹ Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. Л., 1970. С. 234, 238–239, 246–249.

⁷² Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь и евразийские торговые связи в эпоху раннего средневековья // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 44.

⁷³ Шаскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М., Л., 1965. С. 179; Лебедев Г.С. Камерные могилы Бирки // Тезисы докладов Пятой Всесоюзной конференции по изучению истории скандинавских стран и Финляндии. Ч. I. М., 1971. С. 12.

Тот же ученик Клейна Лебедев отмечал в 1971–1972 гг., в том числе в кандидатской диссертации, что «генетически камеры Швеции связаны с «княжескими могилами» Средней и Западной Европы. Они замыкают типологическую цепочку, протянувшуюся из глубин железного века, от гальштаттского периода (VII–VI вв. до н. э.). Кельтская традиция богатых погребений в камерах в I столетии н. э. получила новое развитие в иной этнической среде, на территории Польши и Чехословакии». Отмечал-то правильно, но в отношении подобных погребений в Восточной Европе вместе со своим учителем, также знавшим все эти детали, делал другие выводы, подгоняя их под норманнскую теорию. А в науке о тенденциозности таких «подгонов» говорилось давно и неоднократно. Так, в 1962 г. английский археолог П. Сойер прямо выступил, несмотря на свой норманнизм, против мнения Арне о принесении обряда захоронения в камерных погребениях на Русь скандинавами: «Это кажется маловероятным: различные типы захоронения в камерах, скорее всего развивались независимо во всех регионах, изобилующих лесом». В 1965 г. и норманист И.П. Шаскольский подчеркивал, что «данный тип погребальных сооружений не был специфически скандинавским, что он в то время существовал у разных, и притом неродственных (как чехи и немцы), европейских народностей». Сегодня даже в учебнике «Археология» (2006 г.) для студентов вузов сказано, что «происхождение деревянных погребальных камер не совсем ясно»⁷⁴.

Полнейшую фиктивность «процентов» Клейна и его учеников, утверждавших, что норманны в X в. составляли пятую часть (!) жителей многонаселенной столицы Руси, дополнительно демонстрирует тот факт, что количество скандинавских вещей в Киеве даже «при самом тщательном подсчете», как специально заострял в 1990 г. внимание историк и археолог П.П. Толочко, много лет работавший с киевскими древностями, не превысит двух десятков, причем ни одна из них не имеет отношения к IX в. (но зарубежные ученые несколько не сомневаются, что «мать градам русским» была основана норманнами, что он представлял собой «анклав викингов», что, как считает филолог Е.А. Мельникова, «вместе с Олегом в Киеве, вероятно, впервые появился постоянный и значительный контингент скандинавов»⁷⁵).

Фиктивность «процентов» Клейна и его учеников демонстрируют и данные антропологии. Известный антрополог Т.И. Алексеева, проанализировав камерные захоронения и сопоставив их с германскими, констатировала в 1973 г., что «это сопоставление дало поразительные результаты – ни одна из славянских групп не отличается в такой мере от германских, как городское население Киева». Позже она добавила, что «оценка суммарной краниологической серии из Киева... показала разительное отличие древних киевлян от германцев». Как заметил историк А.Г. Кузьмин по поводу такого заключения специалиста, убежденного в скандинавстве варягов, но все же не ослепленного норманнизмом, ««поразительность» этих результатов, отмечаемая автором, проистекает из ожидания найти в социальных верхах киевского общества значительный германский элемент, а его не оказывается вовсе»⁷⁶.

И вот под давлением приведенных фактов, с которыми постепенно знакомился Лебедев, он в 1978 г. совершает вообще-то мужественный поступок, признав, тем самым отре-

⁷⁴ Сойер П. Эпоха викингов. СПб., 2002. С. 94; Шаскольский И.П. Норманнская теория... С. 179; Лебедев Г.С. Камерные могилы Бирки. С. 12–13; *его же*. Погребальный обряд скандинавов эпохи викингов. Автореф... дис... канд. наук. Л., 1972. С. 15–16; Археология / Под ред. академика В.Л. Янина. М., 2006. С. 465.

⁷⁵ Пирсон Э. Указ. соч. С. 26; Викинги: набег с севера. М., 1996. С. 70; Гвин Д. Указ. соч. С. 246–247; Мельникова Е.А. Варяжская доля // Родина. 2002. № 11–12. С. 32.

⁷⁶ Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973. С. 267; *ее же*. Антропологическая дифференциация славян и германцев в эпоху средневековья и отдельные вопросы этнической истории Восточной Европы // Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974. С. 81; *ее же*. Славяне и германцы в свете антропологических данных // ВИ. 1974. № 3. С. 67; Толочко П.П. Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев, 1990. С. 118; Славяне и Русь: Проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / Сост. А.Г. Кузьмин. М., 1998. С. 428, прим. 255.

каясь от фальшивых 18–20 % киевских норманнов, что только в одном из 146 погребений Киевского некрополя мог быть захоронен скандинав: «Судя по многочисленным аналогиям в Бирке, это единственное в городском могильнике Киева скандинавское погребение» (датируется концом X – началом XI в.). То же самое он повторил и в 1986 г.⁷⁷ Но эти аналогии ведут не в Бирку, куда, как уже указывалось, обряд захоронения в камерных гробницах был принесен со стороны. С той же «стороны» он был принесен и на Русь. Если Клейн не доверяет заключениям российских археологов, то может ознакомиться с мнением шведки А.-С. Грэслунд, сказавшей в 1980 г., что погребальные камеры Бирки «не имеют местных прототипов, и появление их, очевидно, связано с интернациональным характером Бирки и особенно с купеческим слоем»⁷⁸.

Хотя Клейн, конечно, в какой-то мере все же знаком как с заключениями археологов о нескандинавском характере камерных погребений, так и с заключением антропологов. Но в 2004 г. он все также говорил, что в Ярославском Поволжье в X в. на 12 % славян приходилось 13 % скандинавов. И говорил лишь потому, что антропологически это, как, например, по Киеву, нельзя опровергнуть, т. к. единственный обряд захоронения в ярославских могильниках – трупосожжение. Хотя рядом, на Владимирщине, отмечала в 1973–1974 гг. Т.И. Алексеева, «никаких скандинавских черт в облике населения не отмечается. Это, по-видимому, славянизированное восточнофинское население»⁷⁹.

Вместе с тем Клейн в 2004 г. уже ничего не сказал о 18–20 % норманнов в столице Руси, т. е. он признал, хотя и косвенно, что все проценты скандинавов, которые были им и его учениками оглашены в 1970 г., есть фикция, которая за сорок лет воспроизвела в работах археологов, историков и филологов другие фикции, а те, в свою очередь, себе подобные и т. д., и все эти норманнистские «истины», вызванные к жизни дутыми процентами Клейна, прочно осели в науке. Но чтобы эта фикция не забылась и далее продолжала работать, Клейн статью 1970 г. переиздал в «Споре о варягах», при этом с неизменным для себя апломбом говоря, что она «была первой объективной сводкой по норманнским древностям Киевской Руси на послевоенном уровне» и что она «наглядно опровергает» антинорманнизм: «Вот они, скандинавы, лежат в своих могилах, со своим оружием, вот подсчеты их процентного количества в разных районах». И все так же уверяя, словно археология застыла на уровне его далекой молодости, что «для норманнов были характерны... камерные могилы в виде срубов»⁸⁰.

⁷⁷ Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX – XI веков. Л., 1978. С. 12; Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (руско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 232.

⁷⁸ Цит. по: Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнёздове // Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города). М., 1991. С. 217.

⁷⁹ Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян... С. 265; *ее же*. Антропологическая дифференциация... С. 80; *ее же*. Славяне и германцы... С. 66.

⁸⁰ Клейн Л.С. Спор о варягах. С. 171, 201, 203, 219, 228–231.

Почему Новгород не стал Хольмгардом

Полнейшую нежизнеспособность концепции Клейна, Лебедева, Назаренко показал в 1970–1980 гг. А.Г. Кузьмин, подчеркнув, что она «вызывает сомнения и возражения в конкретно-историческом плане». А именно, «если признать норманскими многочисленными могильники в Приладожье, на Верхней Волге, близ Смоленска, в Киеве и Чернигове, то станет совершенно непонятным, почему синтез германской и финской культуры (на северо-востоке, например) дал новую этническую общность, говорящую на славянском языке, почему в языке древнейшей летописи нет германоязычных примесей...», «почему нет сколько-нибудь заметных проявлений германских верований в язычестве Древней Руси...». В 1998 г. историк так еще сформулировал одну из принципиальных неувязок этих археологов: «...Как из синтеза норманнской и финской культур на Верхней Волге (где славяне якобы появляются значительно позднее норманнов) складывается славяно-русский язык с характерными признаками смешения славянских и финских языческих верований?»⁸¹.

Действительно, научно такое не объяснить. Только если задействовать марризм с его с «яфетической теорией» и с «социальными взрывами».

И совершенно пустым делом занимается Клейн, пытаясь оспорить мой аргумент, что славянские названия городов, основанных варягами на Руси, – Новгород, Белоозеро, Изборск – прямо указывают на их славянский язык, говоря, что Новгород в сагах именуется Хольмгард. Что из того? Киевскую Русь византийцы именовали Скифией, а ее население – скифами, тавро-скифами, таврами. Позже Россию в Западной Европе называли Московией, а русских – москвитями. Нас сейчас на Украине кличут москалями и даже кацапами, а в других странах – венедами и кривичами. Но какое это отношение имеет к нашему самоназванию – русские? Понятно, что никакого. Также понятно, что названия городов (населенных пунктов вообще), да к тому же на чужой земле, напрямую связаны с языком своих основателей и призваны навечно как утвердить (освятить) их права на определенную территорию, так и оградить эти права от любых посягательств. В связи с чем наименованию своих местожительств народы придавали огромное значение, и с этого сакрального действия начиналась жизнь нового поселения.

Так, древние римляне для организации колоний на завоеванных итальянских землях создавали комиссии, которые прежде всего давали им имя. Весьма показательны в этом плане финикийский Карфаген, что означает «Новый город», в Северной Африке, претендовавший на роль ее столицы, Новый Карфаген (сегодняшняя Картахена), как символ принадлежности Карфагену Пиренеев, за которые он вел ожесточенную борьбу с Римом, греческие названия многих городов Южной Италии, в том числе Неаполь (опять же «Новгород»), прямо сигнализирующие о языке своих переселенцев. А также названия первых североамериканских колоний: Новые Нидерланды, Новая Швеция, Новая Франция, Новая Англия, и вместе с тем названия многих городов Северной Америки, по которым можно безошибочно определить, из какой страны и даже конкретно из какой ее местности прибыли переселенцы в Новый Свет⁸².

⁸¹ Кузьмин А.Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // ВИ. 1970. № 10. С. 48; *его же*. Болгарский ученый о советской историографии начала Руси // То же. 1971. № 2. С. 186–188; *его же*. Об этнической природе варягов (к постановке проблемы) // То же. 1974. № 11. С. 55; *его же*. Заметки историка об одной лингвистической монографии // Вопросы языкознания (ВЯ). 1980. № 4. С. 59; Славяне и Русь. С. 370.

⁸² История Древнего Рима / Под ред. В.И. Кузищина. М., 1981. С. 70; История США. Т. 1. 1607–1877. М., 1983. С. 32, 49, 51, 59–60, прим. 3 на с. 53; Новая история стран Европы и Америки. Первый период / Под ред. Е.Е. Юровской и И.М. Кривогуза. М., 1997. С. 225.

Согласно ПВЛ, Рюрик после смерти братьев Синеуса и Трувора из Ладоги «пришед ко Илмерю и сруби городок над Волховом, и прозва и Новъгород, и седе ту княжа раздая волости и города рубити, овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро. И по тем городом суть находници варязи...». То есть основал «городок над Волховом» и дал ему чисто славянское название Новгород. И дал славянское название потому, что Рюрик говорил, как и его варяги, на славянском языке.

Но если бы все они были скандинавами (а ведь норманнисты выводят их на Русь не поштучно, а десятками и сотнями тысяч), то «городок над Волховом» обязательно бы получил скандинавское имя Хольмгард, с которым бы и вошел в нашу историю, как в нее вошли угро-финские названия городов Древней Руси. В данном случае уместно напомнить тот факт, что появление в окружении Петра I самого незначительного числа представителей германского мира тут же сказалось на топонимическом материале, и в России появились «*stadt*’ы» и «*burg*’и».

Варяги и русь, надлежит добавить, и после Рюрика активно возводили города: в 882 г. Олег, сев в Киеве, «нача города ставити...», в 988 г. «рече Володимер: «се не добро, еже мало городов около Киева». И нача ставити города по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне...». Но при этом среди многочисленных наименований древнерусских городов IX–X вв., т. е. времени самого пика деятельности варягов и руси среди восточных славян, приведшей к образованию государства Русь, совершенно отсутствуют, подводил в 1972 г. черту польский лингвист С. Роспонд, «скандинавские названия»⁸³. Нет ни одного, даже самого завалявшегося.

Однако вопреки заключению профессионального лингвиста археолог Клейн уверяет, что Изборск назван, «по предположению этимологов (А.И. Попов, Г. Шрамм) – по реке Иза, или Иса (финно-язычное «Великая»), и назван он Исабург, что в славянской переделке дало Изборск...». Как тут не вспомнить Ломоносова, в сентябре 1749 г. указавшего Миллеру, что «весьма смешна перемена города Изборска на Иссабург...». Клейн бы, конечно, не попадал в смешные положения, если бы всерьез занимался историографией варяго-русского вопроса (могу рекомендовать ему самую свежую работу на эту тему, но свою, вышедшую в вып. 1 «Изгнания норманнов из русской истории»⁸⁴, где и про Изборск-Исабург дана самая исчерпывающая информация). Затем А.Л. Шлецер говорил, причем, надо сказать, с определенными оговорками, т. е. предположительно, что Изборск «кажется... прежде назывался *Исабург*, следственно по-скандинавски, и назван так по одной тамошней реке *Иссе*. Если это справедливо, то он основан варягами».

Последующие поколения норманнистов, надо отдать им должное, и вовсе поставили крест на фикции по имени «Исабург». Как заметил Н.М. Карамзин, «Миллер, желая скандинавским языком изъяснить имя его, говорит, что Изборск значит *Исабург*... т. е. город на реке Исе. Но Иса далеко от Изборска». В 1840 г. П.Г. Бутков прямо отверг «догадку Миллера и Шлецера» находить «в Изборске немецкое имя Исаборга, т. е. *города при Иссе*», указав, что Исса вливается в р. Великую выше Изборска «по прямой линии не ближе 94 верст», и привел наличие подобных топонимов в других русских землях (г. Изборск на Волыни, у Москвы-реки луг Изборск, пустошь Изборско около Новгорода).

Поэтому, как совершенно справедливо заключал он, а в эти очень простые слова Клейну надо обязательно вникнуть на досуге, «отвергать славянство в имени псковского Изборска, как и в имени карельского Выбора, токмо потому, что скандинавцы превращали наш *бор*, *борск* на свои *борг*, *бург*, а славянские *грады* на свои *гарды*, есть то же, что при-

⁸³ ЛЛ. С. 19, 23, 118–119; Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточно-славянская ономастика. М., 1972. С. 62.

⁸⁴ Фомин В.В. Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты... С. 339–512.

знавать за шведское поселение, построенный новгородцами на своей древней земле, в 1384 году, город Яму, носящий поныне имя Ямбурга со времени шведского владения Ингерманландией 1611–1703 года, или искать греческих полисов в наших городах *Триполе*, *Каргаполе*, *Чистополе* и множестве других, имеющих в названиях своих подобное окончание; или приписывать шведской столице Стокгольму славянское происхождение: ибо наши предки в XIV, XVI, XVII и даже в XVIII веке писали ее *Стекольным*»⁸⁵.

Наконец, в 1980-х гг. Т.Н. Джаксон и Т.В. Рождественская, выясняя природу названия Изборска, пришли к выводу, что это «славянский топоним». При этом они подчеркнули, что зафиксированное в памятниках «написание «Изборскъ» (только через –з– и без –ь– после него) указывает на невозможность отождествления форманта Из– с названием реки Исы (Иссы)». Если же допустить, объясняли исследовательницы, что Изборск возник из скандинавского языка, «то придется признать, что имя возникло вопреки одному из основных топонимических законов – закону ряда»⁸⁶.

Надлежит указать, что у лингвистов Попова и Шрамма нет тех «мнений», на которые ссылается Клейн (а он весьма горазд на такие приписки). Попов в 1981 г. сказал, что название притока р. Великой Иса (Исса) сопоставимо с финским «iso» – «большой», «великий»⁸⁷. Сказал только это и ничего больше.

Это потом ученики Клейна «возвели» милый сердцу их учителя Исубург. В 1986 г. Д.А. Мачинский, уже полагая, что название р. Великая «является переводом финского Иса – «великая»... как и сейчас называется один из главных притоков Великой», заключил: «Таким образом, наряду со славянским вариантом издревле мог существовать и финско-скандинавский топоним Исбург, или Исабург, т. е. – «град на Исе», или «Велиград», «Вышеград»⁸⁸. В 1990, 1993 и 1997 гг. С.В. Белецкий утверждал, что город, в конце IX в. возникший на Иссе, не был не финско-скандинавским, не славянским, «а чисто скандинавским: он принадлежит к топонимическому ряду на – borg и переводится как «город на Иссе». В 30-х гг. XI в. Исубург-Isaborg якобы был уничтожен при крещении «огнем и мечом», и часть его жителей вынуждена была переселиться за десятки километров на новое место – Труворово городище, перенеся на него наименование погибшего города, возможно, получившее уже славянизированную форму Изборск. С топонимом «Исубург», объяснял археолог, не вдаваясь, разумеется, в детали, параллельно использовался топоним Псков, который был возрожден, «но уже применительно к основанному на месте сожженного Исубурга древнерусскому городу»⁸⁹.

Археолог К.М. Плоткин, в 1993 г. прямо обратившись к рассмотрению состоятельности гипотезы Белецкого, по которой Изборск перемещается, словно «гуляй-город», туда-сюда (или сюда-туда), констатировал: «Изборск всегда оставался на своем месте, у истоков р. Бдеха (известной также под названием Иса), а Псков – на своем месте, в низовьях р. Вели-

⁸⁵ Шлецер А.Л. Указ. соч. Ч. I. С. 338; Карамзин Н.М. Указ. соч. Прим. 278; Бутков П.Г. Оборона летописи русской, Нестеровой, от наветов скептиков. СПб., 1840. С. 61–62.

⁸⁶ Джаксон Т.Н., Рождественская Т.В. Несколько замечаний о происхождении и семантике топонима Изборск // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов. Псков, 1987. С. 24–27; *их же*. К вопросу о происхождении топонима «Изборск» // Древнейшие государства на территории СССР (ДГ). Материалы и исследования. 1986 г. М., 1988. С. 224–226.

⁸⁷ Попов А.И. Следы времен минувших. Л., 1981. С. 31.

⁸⁸ Мачинский Д.А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986. С. 20.

⁸⁹ Белецкий С.В. Происхождение Пскова // Города Верхней Руси: истоки и становление (материалы научной конференции). Торопец, 1990. С. 10–13; *его же*. Изборск «Варяжской легенды» и Труворово городище (проблема соотношения) // Петербургский археологический вестник. № 6. Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. СПб., 1993. С. 112–114; *его же*. Возникновение города Пскова (к проблеме участия варягов в судьбах Руси) // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. (К 210-летию А.Л. Витберга). Материалы Международного научного симпозиума. Киров, 1997. С. 142–146, 149.

кая или Moede/Muddow» (как поясняет ученый, в Западной Европе р. Великая была известна «под двумя названиями: р. Великая и Moede/Muddow»). А на следующий год немецкий лингвист Г. Шрамм подытоживал: «Я охотно признаю, что славянская этимология названия Изборск пока имеет больше шансов на успех», добавив при этом, что сам «намеревался уже не раз» выбросить «на свалку» гипотезу о «городе на Иссе». Ценность такого заключения замечательна тем, что этот ученый делает, как поясняют Джаксон и Рождественская, «топонимические выкладки лишь на базе своей концепции о существовании на Руси скандинавских «опорных пунктов»⁹⁰. И отсюда пытаюсь даже в названии г. Белоозера найти скандинавскую основу.

Да, кстати, если бы варяги действительно были скандинавами, то они бы тогда древневепское Воугедарь, где «Воугед» означает «белый», а «арь» – деформированное «ярвь» – «озеро»⁹¹, передали, конечно, не славянским Белоозеро, а, естественно, по-своему. И звучало бы оно по-шведски, наверное, так: Vit(a)sjön, где vit – «белый», а sjö – «озеро» (и так бы прописалось в ПВЛ). Хотя, учитывая десятки озер, носящих название Белое озеро и раскиданных по всей России (а таковые еще есть и на Украине, и в Белоруссии), да если еще принять во внимание десятки Синих и Черных озер, и речек тоже (так, например, в бассейне р. Мсты большое число Белых речек и ручьев⁹²), Белоозеро, конечно, не является калькой с вепского, а есть славянское название, данное этому городу его основателями-варягами.

Наряду с Исуборгом Клейн, страстно желая утвердить на территории Руси, по причине их совершенного отсутствия, скандинавские топонимы, создает другие миражи, в которых гибнет наука, и уверяет в свеженьких прибавлениях к «Спору о варягах», что «город Суздаль и назван по-норманн-ски – его название означает «Южная Долина» (««-даль» у скандинавов «долина»)⁹³. Логика, конечно, убийственная для науки. Потому как благодаря ей во многих словах, русских и нерусских, без труда можно найти мнимые следы языка другого народа. Так, «даль», следовательно, причастность, по Клейну, к ним скандинавов, видна в названиях острова ДАЛЬма в Персидском заливе, провинции КАНДАЛЬ в Камбодже, городов ДАЛЬмамедли в Азербайджане и ДАЛЬмасио-Велес-Сарсфилд в Аргентине. Вот, оказывается, в какие дальние дали забирались шведы, а Клейн об этом и не знает (да и мы не ведаем, что, отправляя сейчас кого-то в «даль», даже в самую светлую, просто посылаем его в «долину» Клейна).

Не знают русские «ультра-патриоты», а с ними и украинские «ультра», куда судьба забрасывала их общих предков. Но если взять в руки такой компас, как слово «сало», то сразу понятно, кто основал города САЛО в Италии и Финляндии, САЛОники в Греции, САЛОг на Филиппинах, кто бесстрашно плавал, доставляя туземцам этот продукт (в шоколаде и без), по испанской и заирской рекам САЛОр и САЛОнга. И французская СЕНА прямо говорит, кто – ну, не французы же! – заготавливал душистое сено на ее заливных лугах и водил там хороводы, не давая заснуть европейской округе песней «Хороши июльской ночью сенокосные луга». Да и ЭстремаДУРА, область на западе Испании, точно показывает, куда славянские мужи сплавливали с берегов СЕНЫ своих нерасторопных и глуповатых жен.

По ЛонДОНУ также абсолютно ясно, с берегов какой реки прибыли его зачинатели (причем в Хитроу обосновались самые хитрые донцы, часть из которых потом переберется

⁹⁰ Джаксон Т.Н., Рождественская Т.В. Несколько замечаний... С. 25; Плоткин К.М. К вопросу о топониме «Изборск» и реке Исе // Петербургский археологический вестник. № 6. С. 115; Шрамм Г. Ранние города Северо-Западной Руси: исторические заключения на основе названий // Новгородские археологические чтения. Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения руководителя Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховского, 28 сентября – 2 октября 1992 г. Новгород, 1994. С. 145–150.

⁹¹ Попов А.И. Указ. соч. С. 54–55.

⁹² Там же. С. 37, 43–44.

⁹³ Клейн Л.С. Спор о варягах. С. 218, 226.

на норвежский остров Хитра). Эти молодцы-донцы-лондонцы затем, несколько передохнув, все же Ла-Манш переплыли и, чуть набравшись «англицкого» лоска, перебрались в Ирландию. А там, в одном подходящем для того местечке, открыли харчевню, назвав ее на ломаном англо-русском «Ту-Блин», т. е. «Два блина» (время бренда «Три пескаря» еще не пришло). И это название «Ту-Блин» дало затем имя ирландской столице ДУБЛИНУ. Да и в Африке наших было полным полно, и в том, кроме САЛОНГИ, убеждают и АЛЖИР, и ЧАД, а далее этот ряд может продолжить сам читатель. Сложного в этом ничего нет, как и серьезного тоже. Только грустно становится, что высокую науку так низко опускают.

И Клейн спокойно бы избежал «суздальских» фантазий (и как это он «педаль» просмотрел, а то бы скандинавы в миг у него предстали изобретателями велосипедов, на которых они велопробеги осуществляли в Суздаль, получая за это «медаль»), если бы заглянул в работы Т.Н. Джаксон, которая неоднократно отмечала с 1985 г., что в скандинавских сагах и географических сочинениях записи XIII–XIV вв. Суздаль упоминается шесть раз и что «не существовало единого написания для передачи местного имени «Суздаль»: это и Syðridalaríki (Syðrdalaríki в трех других списках), это и Súrðalar... это и Surtðsðalar, и Syrgisðalar, и Súrðsðalr». При этом она подчеркивала, что «перед нами попытка передать местное звучание с использованием скандинавских корней. Так, если первый топоним образован от syðri – сравнительной степени прилагательного suðr – «южный»... то второй, третий и шестой – от прилагательного súrt – «кислый», четвертый – от названия пещеры в Исландии (Hellinn Surt), пятый – от глагола syrgia – «скорбеть». Второй корень во всех шести случаях – один и тот же: ðalr – «долина» (за исключением шестого топонима – во множественном числе)». И, как подводила черту Джаксон, «форма используемого топонима позволяет в ряде случаев заключить, что речь идет не о городе Суздале, а о Суздальском княжестве. Во всяком случае, никаких описаний города Суздаля скандинавские источники не содержат...»⁹⁴.

Клейн много говорит о скандинавских именах варягов. Но летописные имена не являются, за одним исключением, скандинавскими. И на это указывают сами имена. Так, имя Рюрик в Швеции не считается шведским, потому оно и не встречается в шведских именословах. В начале 1860-х гг. антинорманист С.А. Геденов, подчеркнув, что «при отсутствии иных, положительных следов норманнского влияния на внутренний быт Руси норманнство до XI столетия всех исторических русских имен уже само по себе дело несбыточное», установил, что имя Hrøekr, которое выдают за имя Рюрик, шведам неизвестно совершенно, «вследствие чего норманнская школа должна... отказаться от шведского происхождения нашего Рюрика». В 1929 г. норманист Н.Т. Беляев подтвердил слова Геденова⁹⁵.

Вот почему норманисты, а начинание тому положил в 1830-х гг. дерптский профессор Ф. Крузе (т. к. имя Рюрика, по его словам, «не упомянуто в многоречивых скандинавских сагах»), навязывают науке идею, что летописный Рюрик – это датский Рорик Ютландский. Но при этом не видя, что, как особо выделил академик О.Н. Трубачев, «датчанин Рерик не имел ничего общего как раз со Швецией... Так что *датчанство* Рерика-Рюрика сильно колеблет весь *шведский* комплекс вопроса о Руси...». А это наблюдение Трубачева, не сомневающегося, следует сказать, в норманнстве варягов, полностью совпадает с давним заключением антинорманиста Геденова, что выводом Рюрика из Дании «подрывается все учение знаменитейших корифеев скандинавизма».

⁹⁴ Джаксон Т.Н. Суздаль в древнескандинавской письменности // ДГ. 1984 г. М., 1985. С. 227–229; *ее же*. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.) (тексты, перевод, комментарий). М., 1993. С. 255; *ее же*. Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI – середина XIII в.) (тексты, перевод, комментарий). М., 2000. С. 287.

⁹⁵ Геденов С.А. Варяги и Русь. В 2-х частях / Автор предисл., коммент., биограф. очерка В.В. Фомин. М., 2004. С. 168–169, 173; Беляев Н.Т. Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи // Seminarium Kondakovianum recueil d'études archéologie, histoire de l'art, études Byzantines. T. III. Prague, 1929. С. 242–243.

В 1997 г. Л.П. Грот продемонстрировала, что шведское имя Helge, означающее «святой» и появившееся в Швеции в ходе распространения христианства в XII в., и русское имя «Олег» IX в. «никакой связи между собой не имеют» (вымощен, по ее словам, «несуществующий мост между именем «Олег» и именем Helge, да еще уверяют, что имя Helge, которое на 200 лет моложе имени «Олег», послужило прототипом последнего»)⁹⁶. Сказанное полностью относится и к имени Ольга (к тому же оно существовало у чехов⁹⁷, среди которых норманнов не было). А исходя из того, что саги называют княгиню Ольгу не Helga, как того следовало бы ожидать, если послушать норманнистов, а Allogia, видно отсутствие тождества между именами Ольга и Helga. По поводу якобы скандинавской природы имени Игорь немецкий историк Г. Эверс без малого двести лет тому назад заметил не без улыбки: но бабу Констанции Багрянородного «все византийцы называют дочерью благородного Ингера. Неужели этот император, который, по сказанию Кедрина, происходил из Мартинакского рода, был также скандинав?». В 1901 г. И.М. Ивакин доказал, что в древности имена Игорь и Ингвар различались и не смешивались⁹⁸.

Но что эти научные доказательства по сравнению со слепой верой в норманнство русских варягов, лишь по созвучию превращающей их имена, по типу Изборска и Суздаля, в норманнские. Верой, которой подвластно все. Как тот же Клейн говорил в 2004 г., имена Рюрик, Олег, Аскольд, Дир, Игорь «легко раскрываются из скандинавских» корней⁹⁹. С той же легкостью он и сейчас заявляет, что Избор – это имя неславянское. Но кому вот верить, ему – не лингвисту, или все же финскому языковеду-слависту Ю. Микколе, в 1921 г. выдвинувшему этимологию города Изборск от Избор, имени, известному у словенцев с IX в.¹⁰⁰? Вопрос, понятно, чисто риторический.

А все рассуждения Клейна о якобы норманнской природе варяго-русских имен – это рассуждения в духе Байера, который, как справедливо заметил Ломоносов, «последуя своей фантазии», имена русских князей «перевертывал весьма смешным и непозволительным образом, чтобы из них сделать имена скандинавские». Правоту этих слов (по Клейну, безосновательных «крикливых ультра-патриотических эскапад» «никудашного историка» Ломоносова) подтвердили затем крупнейшие наши историки-норманнисты. Так, Н.М. Карамзин, констатируя, что Байер «искал нашего Кия в готфском короле *Книве*, воевавшем в Паннонии с императором Децием», указал, что ученый «излишно уважал сходство имен, недостойное замечания, если оно не утверждено другими историческими доводами». С.М. Соловьев резюмировал, что Байер допускал натяжки в словопроизводствах. В.О. Ключевский, говоря о «методе» этого ученого и его подражателей, подчеркнул: «Впоследствии многое здесь оказалось неверным, натянутым, но самый прием доказательства держится доселе». В целом же, как сказал в 1830-х гг. Ю.И. Венелин, летописным именам «можно найти созвучные и даже тождественные не только у скандинавов, но и у прочих европейских и азиатских народов», и вообще, заключал он, говоря о ложности лингвистических « аргу-

⁹⁶ Крузе Ф. О происхождении Рюрика (преимущественно по французским и немецким летописям) // ЖМНП. Ч. 9. № 1. СПб., 1836. С. 47; Трубочев О.Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 2005. С. 162; Грот Л.П. Мифологические и реальные шведы на севере России: взгляд из шведской истории // Шведы и Русский Север. С. 152–160 (переиздана в кн.: Сб. РИО. Т. 8).

⁹⁷ Срезневский И.И. Чтения о древних русских летописях // Его же. Статьи о древних русских летописях (1853–1866). СПб., 1903. С. 76.

⁹⁸ Эверс Г. Предварительные критические исследования для российской истории. Кн. 1–2. М., 1826. С. 71–72; Ивакин И.М. Князь Владимир Мономах и его поучение. Ч. 1. М., 1901. С. 54, прим. ^{xx}; Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 235–242.

⁹⁹ Клейн Л.С. Воскрешение Перуна. С. 140.

¹⁰⁰ Роспонд С. Указ. соч. С. 21.

ментов» норманнистов, «всякому слову в мире можно найти или сделать подобозвучное, стоит только переменить букву, две, и готово доказательство»¹⁰¹.

А какие чудеса «легко раскрываются из скандинавских» корней в норманнистском решетте, видно на примере имен братьев Рюрика Синеуса и Трувора. При всем многовековом старании не найдя к этим именам никаких скандинавских созвучий, норманнисты объявили их шведскими словами *sine hus* («свой род») и *thru varing* («верная дружина»), якобы не понятыми летописцем при внесении в ПВЛ якобы шведского сказания (где якобы говорилось, что Рюрик пришел «с родом своим и верной дружиной») и якобы принятыми им за личные имена. При этом никого из них не смущал тот факт, что в «Сказании о призвании варягов» читается «свой род», в этом случае почему-то хорошо понятый летописцем: «И избрашася 3 братья с роды своими (а не с Синеусами. – В.Ф.), и пояша по себе всю русь, и придоша».

И этот миф – миф о небытии Синеуса и Трувора, а о бытии вместо них в русской истории шведских слов (что-то вроде гоголевского «Носа»), вошедший даже в школьные учебники, миф, которым оперируют, например, археологи А.Н. Кирпичников и Е.Н. Носов, полностью разрушает лишь одно только свидетельство Пискаревского летописца, отразившего многовековую традицию бытования на Руси и в России имени Синеус: в известии под 1586 г. об опале на князя А.И. Шуйского и его сторонников сказано, что «казнили гостей Нагая да Русина Синеуса с товарищи». К тому же, как справедливо отмечал в 1994 г. С.Н. Азбелев, толкованию имен братьев Рюрика как «*sine hus*» и «*thru varing*» противостоит русский фольклор о князьях Синеусе и Труворе¹⁰², т. е. народная память о них, людях, а не о каких-то там искусственно созданных шведских конструкциях *sine hus* и *thru varing*.

В науке также давно замечено, что имена сами по себе не могут указывать ни на язык, ни на этнос их носителей. «Почти все россияне имеют ныне, – задавал в 1749 г. Ломоносов Миллеру вопрос, оставленный, понятно, без ответа, – имена греческие и еврейские, однако следует ли из того, чтобы они были греки или евреи и говорили бы по-гречески или по-еврейски?» Справедливость этих слов нашего гения, и в исторической науке опередившего свое время (наши норманнисты до сих пор продолжают аппетитно жевать жвачку шведских норманнистов 400-летней давности), особенно видна в свете показаний Иордана, отметившего в VI в., в какой-то мере подводя итоги Великого переселения народов, что «ведь все знают и обращали внимание, насколько в обычае племен перенимать по большей части имена: у римлян – македонские, у греков – римские, у сарматов – германские. Готы же преимущественно заимствуют имена гуннские»¹⁰³. Вот, попробуй в такой мешанине установить по имени этнос его носителя (Великое переселение народов, охватившее огромные пространства Азии, Европы и Северной Африки и массы народов, в том числе шведов, перемешало не только именословы, но и антропологические типы¹⁰⁴, что также надо учитывать, обращаясь к вопросу этноса варягов и руси, а не сводить его лишь к упрощенной дилемме «славяне и германцы»).

Несмотря на свои неславянские имена варяго-русские дружинники Олега и Игоря были, как то вытекает из договоров с византийцами (911 и 945 гг.), славяноязычными. Причем эти имена звучат именно так, как они звучали, обращал внимание А.Г. Кузьмин, «в европейских (континентальных) именословах и могут быть объяснены происхождением главным образом из кельтских, иллирийских, иранских, фризских и финских языков». В пользу

¹⁰¹ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 30; Карамзин Н.М. Указ. соч. Прим. 71; Венелин Ю.И. [О происхождении славян вообще и россов в особенности] // Сб. РИО. Т. 8. С. 47, 49; Соловьев С.М. Август-Людвиг Шлецер. Стб. 1359; Ключевский В.О. Лекции по русской историографии. С. 398.

¹⁰² ЛЛ. С. 19; Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 34. М., 1978. С. 39. См. об этом подробнее: Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 225–246; его же. Варяго-русский вопрос и некоторые аспекты... С. 366–375.

¹⁰³ Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica). СПб., 1997. С. 72; Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 31.

¹⁰⁴ Буданова В.П. Варварский мир Великого переселения народов. М., 2000. С. 13–15, 41, 83, 96–99, 115–116.

славяноязычия этих дружин говорит и тот факт, что их богом был Перун, чей культ имел широкое распространение среди южнобалтийских славян и который совершенно не известен германцам. Вместе с тем элементы религии последних отсутствуют в верованиях русов, что хорошо видно по языческому пантеону Владимира, созданному в 980 г., т. е. тогда, когда, как уверяют норманнисты, скандинавы «в социальных верхах численно преобладали».

Сам же факт наличия в пантеоне неславянских богов (Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла, Мокоши) указывает, подчеркивают исследователи, «на широкий допуск: каждая этническая группа может молиться своим богам». Но при этом ни одному германскому или скандинавскому богу в нем «места не нашлось», хотя, как правомерно подчеркивает Кузьмин, «обычно главные боги – это боги победителей, преобладающего в политическом или культурном отношении племени»¹⁰⁵.

Причем речь здесь идет не о христианстве, а о язычестве. Клейн все это прекрасно понимает, но специально уводит разговор в сторону. И если в христианство мог перейти любой язычник любого рода и племени, т. к. оно открыто для всех без исключения, ибо есть наднациональная, мировая религия (напомню слова апостола Павла из Послания к галатам: «Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» 3, 28), по причине чего Ф. Энгельс назвал ее первым интернационалом, то в языческую веру другого народа, чуждую всей его сути, он никогда не переходил. Вот почему, заострял внимание на этом хорошо известном факте С.А. Геденов, «промена одного язычества на другое не знает никакая история»¹⁰⁶.

А одно точно скандинавское имя находится в ПВЛ. В договоре князя Игоря с Византией 945 г. один из купцов назван как «Свень»¹⁰⁷. По оценке Кузьмина, имя Свень (т. е. «швед») говорит о том, что «выходцы из германских племен воспринимались в варяжской среде как этнически чужеродный элемент»¹⁰⁸. Действительно, имя Свень, означавшее этническую принадлежность его носителя, говорит о буквально единичном присутствии шведов в восточнославянском обществе середины X в. Примыкает по смыслу к имени Свень и имя Ятвяг, читаемое в том же договоре и указывающее, как заметил С.М. Соловьев, на племя, из которого вышел этот человек, – ятвягов¹⁰⁹.

На Руси, кроме этого Свеня, конечно, бывали и другие шведы. Но бывали после него. По археологическим данным, некоторый приток скандинавов на Русь начинается на рубеже X–XI вв., т. е. через 120–130 лет после призвания варягов. Важно отметить, что на тот же временной рубеж указывают и исландские саги, вобравшие в себя историческую память скандинавов. В XIX в. антинорманнисты Н.И. Костомаров, С.А. Геденов и Д.И. Иловайский обратили внимание на тот факт, что сагам неведом никто из русских князей до Владимира Святославича (его бабку Ольгу-Аллогию они знают лишь по припоминаниям самих русских). К тому же ни в одной из них, подчеркивал Геденов, «не сказано, чтобы Владимир состоял в родстве с норманскими конунгами», но чего стоило бы ожидать при той «заботливости, с которою саги выводят генеалогию своих князей». Более того, продолжал он, в них «не только нет намека на единоплеменность шведов с так называемою варяжскою русью, но

¹⁰⁵ Кузьмин А.Г. «Варяги» и «Русь»... С. 53; *его же*. Об этнической природе... С. 81; *его же*. История России с древнейших времен до 1618 г. Кн. 1. М., 2003. С. 103, 120–121; *его же*. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М., 2003. С. 211, 213, 318, 339, 347; *его же*. Облик современного норманизма // Сб. РИО. Т. 8. С. 244; Кудрякова Е.Б. «Варяжская проблема» и культ Бориса и Глеба // ВИ. 1980. № 4. С. 166; Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 453; Откуда есть пошла Русская земля. Века VI – X / Сост., предисл., введ. к документ., коммент. А.Г. Кузьмина. Кн. 2. М., 1986. С. 584, 642; Славяне и Русь. С. 370; Хрестоматия по истории России... С. 142.

¹⁰⁶ Геденов С.А. Указ. соч. С. 92.

¹⁰⁷ ЛЛ. С. 46.

¹⁰⁸ Кузьмин А.Г. Об этнической природе варягов... С. 80; *его же*. Начало Руси. С. 332; Откуда есть пошла Русская земля. Кн. 2. С. 648, 654.

¹⁰⁹ Соловьев С.М. История... Кн. 1. Т. 1–2. С. 200.

и сами русские князья представляются не иначе как чужими, неизвестными династиями»¹¹⁰. Сагам, вместе с тем, совершенно неведомы хазары и половцы. Следовательно, скандинавы начали бывать на Руси уже после исчезновения из нашей истории хазар, разгромленных в 60-х гг. X в. Святославом, и посещали ее где-то примерно с 980-х гг., т. е. с вокняжения Владимира Святославича, и до первого прихода половцев на Русь, зафиксированного летописцем под 1061 годом. Эти рамки еще более сужает тот факт, что саги после Владимира называют лишь Ярослава Мудрого (ум. 1054) и не знают никого из его преемников.

А факт знания сагами Владимира, княжившего в Киеве в 980—1015 гг. (до 977 г. он семь лет сидел в Новгороде в качестве наместника киевского князя), и молчания о его предшественниках представляет собой временной маркер, безошибочно показывающий, что годы его правления и есть то время, когда норманны, по большому счету, открыли для себя Русь и начали систематически прибывать на ее территорию. Причем численность норманнов, посещавших русские земли при нем и при его сыне Ярославе, не отличалась массовостью и постоянным проживанием в их пределах, на что указывает факт самых смутных представлений скандинавов о Руси, по сравнению, например, с немцами. Так, если «Хроника» Титмара Мерзебургского (ум. 1018) очень подробно рассказывает о столице Руси Киеве, а Адам Бременский, описывая в 70-х – 80-х гг. XI в. морской путь из южнобалтийской Юмны (Волина) в Новгород, отмечал, что столица Руси – «Киев, который соперничает с царствующим градом Константинополем»¹¹¹, то, согласно сагам, ее столицей является Новгород.

И это тогда, когда в Киеве, как утверждают норманнисты с Клейном, сидела норманнская династия, окруженная норманнской дружиной, когда среди жителей древнерусской столицы норманны составляли 18–20 % и когда они десятками тысяч, в волю пошатавшись по Руси, шли мимо Киева «за море» в Константинополь (но, как свидетельствуют саги, норманны абсолютно не знали Днепровского пути, что дополнительно не позволяет относить их к варягам IX – середины X века. Саги, отмечал в 1867 г. В.Н. Юргевич, хранят «совершенное молчание... о плавании норманнов по Днепру и об его порогах». В связи с чем он задал весьма уместный в таком случае вопрос: «Возможно ли, чтобы скандинавы, если это были руссы, не знали ничего и нигде не упомянули об этом, по свидетельству Константина Порфирородного, обычном пути руссов в Константинополь?» Ученик Клейна Г.С. Лебедев также констатировал в 1985 г., что знаменитый путь «из варяг в греки» «как особая транспортная система в северных источниках не отразился...»¹¹²).

До рубежа же X–XI вв. шведы бывали в русских землях в крайне редких случаях, которые, понятно, не могли отразиться в их коллективной памяти. Наличие такой «черной дыры» в памяти скандинавов Клейн объясняет в газетной статье тем, что они «до рубежа веков в основном не возвращались, оседали там». Такое легковесное объяснение, возможно, и сорвет бурные аплодисменты в кругу своих, клейноманов, но оно не устроит и школьников, которые спросят, а почему они оседали до 1000 г., а после миллениума вдруг перестали оседать? Если их выводят на Русь десятками и сотнями тысяч, да Клейн еще их там оставляет навсегда, то где тому серьезные археологические подтверждения? А не лжеподтверждения в виде камерных погребений и отдельных скандинавских вещей (скандинавские фибулы в Финляндии, Карелии, Приладожье и Латвии органично вошли в состав женского местного убора и обнаружены в погребениях с местным ритуалом, а на Руси славянки использовали их в качестве украшений. В 1970 г. археолог С.И. Кочкуркина констатировала, что железные

¹¹⁰ Публичный диспут 19 марта 1860 года... С. 29; *Геденов С.А.* Указ. соч. С. 82, прим. 149 на с. 415, прим. 235 на с. 440, прим. 294 на с. 456; *Иловайский Д.И.* Разыскания... С. 316–317.

¹¹¹ *Титмар Мерзебургский.* Хроника. В 8 книгах. М., 2005. С. 177–178; *Херрман Й.* Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. С. 66.

¹¹² *Юргевич В.Н.* О мнимых норманских именах в русской истории // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 6. Одесса, 1867. С. 48; *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 198.

гивны с т. н. «молоточками Тора» «должны сопровождать скандинавские погребения, но железные гивны в приладожских курганах за исключением двух экземпляров, найденных в мужских захоронениях, принадлежали местному населению»¹¹³).

Но главное, они обязательно спросят, почему саги молчат о Рюрике, Олеге, Игоре, Святославе, молчат об их деяниях, известных другим народам, молчат даже о походах на Византию, которые обязательно бы, будь эти князья скандинавами, воспели скальды и информация о которых обязательно бы не то что дошла, на крыльях бы долетела до Скандинавии.

А ответ всему этому предельно простой, и он давно дан в науке. Как верно заметил Ломоносов в «Древней Российской истории» (1766 г.), если бы Рюрик был скандинавом, то «нормандские писатели конечно бы сего знатного случая не пропустили в историях для чести своего народа, у которых оный век, когда Рурик призван, с довольными обстоятельствами описан». В 1808-м и 1814 г. Г. Эверс правомерно говорил, что «ослепленные великим богатством мнимых доказательств для скандинавского происхождения руссов историки не обращали внимание на то, что в древнейших северных писаниях не находится ни малейшего следа к их истине». И, удивительно метко охарактеризовав отсутствие у скандинавов преданий о Рюрике как «убедительное молчание», действительно, лучше любых слов подтверждающее их полнейшую непричастность к варягам и руси, он резюмировал: «Всего менее может устоять при таком молчании гипотеза, которая основана на недоразумениях и ложных заключениях...».

Ибо, по справедливым словам Эверса, и Ломоносову, и мне кажется очень невероятным, что «Рюрикова история» «не дошла по преданию ни до одного позднейшего скандинавского повествователя, если имела какое-либо отношение к скандинавскому Северу. Здесь речь идет не о каком-либо счастливом бродяге, который был известен и важен только немногим, имевшим участие в его подвигах. Судьба Рюрикова должна была возбудить всеобщее внимание в народе, коему принадлежал он, — даже иметь на него влияние, ибо норманны стали переселяться в таком количестве, что могли угнетать словен и чудь». Развивая мысль далее, ученый также резонно сказал: «...Как мог соотечественник Рюрик укрыться от людей, которые столько любили смотреть на отечественную историю с романической точки. После Одина вся северная история не представляет важнейшего предмета, более удобного возвеличить славу отечества». Причем сага, акцентирует внимание Эверс, «повествует, довольно болтливо», о походах своих героев на Русь «и не упоминает только о трех счастливых братьях. Норвежский поэт Тиодолф был их современник. Но в остатках от его песнопений, которые сохранил нам Снорри, нет об них ни слова, хотя и говорится о восточных вендах, руссах»¹¹⁴.

Выводы русского Ломоносова и немца Эверса еще больше оттеняет тот факт, что младший современник Рюрика (ум. 879) норвежец Ролло-Роллон (ум. 932), основавший в 911 г. — спустя всего сорок девять лет после прихода Рюрика к восточным славянам — герцогство Нормандское, сагам хорошо известен (он, начиная с 876 г., т. е. еще при жизни нашего Рюрика, неоднократно грабил Францию, в 889 г. обосновался в низовьях Сены, а в 911 г. принес ленную присягу французскому королю Карлу III Простоватому, обязуясь защищать его от прочих норманнов и бретонцев)¹¹⁵.

¹¹³ Кочуркина С.И. Связи юго-восточного Приладожья с западными странами в X–XI вв. (По материалам курганов юго-восточного Приладожья) // Скандинавский сборник (СС). Вып. XV. Таллин, 1970. С. 155; Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 387–389; *его же*. Начальная история Руси. С. 204–207.

¹¹⁴ Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 216; Ewers J.P.G. Vom Urschprunge des russischen Staats. Riga, Leipzig, 1808. S. 179–184; Эверс Г. Указ. соч. С. 148–151.

¹¹⁵ Викинги: набеги с севера. С. 60–63; Джонс Г. Указ. соч. С. 228–230; Ласкавый Г.В. Викинги. Походы, открытия, культура. Минск, 2004. С. 69, 75, 78, 87–94.

Как, отмечал бросающуюся в глаза несуразность норманнизма Эверс, погибшие древнейшие исторические памятники доставили Снорри Стурлусону (ум. 1241) «известия об отдаленном Рольфе и позабыли о ближайшем Рюрике?». Скандинавы, словно уточняя мысль Эверса говорил в 1876 г. Д. Щеглов, основали на Руси «в продолжение трех десятков лет государство, превосходившее своим пространством, а может быть, и населением, все тогдашние государства Европы, а между тем это замечательнейшее событие не оставило по себе никакого отголоска в богатой скандинавской литературе. О Роллоне, овладевшем одною только провинцией Франции и притом не основавшем самостоятельного государства, а вступившем в вассальные отношения к королю Франции, саги знают, а о Рюрике молчат». Но саги не просто знают Ролло, они еще особо подчеркивают, что властители Нормандии «всегда считали себя родичами норвежских правителей, а норвежцы были в мире с ними в силу этой дружбы»¹¹⁶.

¹¹⁶ Эверс Г. Указ. соч. С. 151; Геденов С.А. Указ. соч. Прим. 294 на с. 456; Щеглов Д. Первые страницы русской истории // ЖМНП. Ч. 184. СПб., 1876. С. 223.

Спор о варяжских словах

Клейн норманнство варягов пытается подтвердить наличием в русском языке якобы скандинавских слов – «князь», «витязь», «гридь», «стяг», «вервь», «вира», «кнут», «стул», «тиун», «ябетьник», «шнека», «якорь», «ларь», «ящик», «скот», «сельд», забывая, что в нашем языке очень много нерусских слов. В том числе и потому, что его носитель – русский народ – возник на полиэтничной основе. И эти иноязычные слова автоматически, конечно, не выводят на варягов.

В «Споре о варягах» Клейн апеллирует к данным шведской исследовательницы К. Тернквист, которая в 1948 г. указала на, по его словам, «около 150» заимствований в русском языке «из языка северных германцев» («включая даже «щи»), из них надежно установлено около 30» (от себя археолог добавил, что норманны ««осчастливили» славян княжеской династией и одарили некоторыми полезными вещами, каковы, например, vareжки и щи»)¹¹⁷. Но вот как данные Тернквист изложил в 1965 г. И.П. Шаскольский: она собрала 115 (что весьма далеко от «около 150» всегда все увеличивающего в пользу скандинавов Клейна) «русских слов, относящихся различными учеными к числу скандинавских заимствований (кстати говоря, абсолютное большинство этих слов – диалектные слова XIX в...)», и более 20 из выделенных ею 30 слов «впервые упоминаются лишь в сравнительно поздних источниках – XIV–XVII и даже XVIII в. и никак не могут считаться заимствованными у древних норманнов»¹¹⁸ (так что «щи» Клейна давно уже прокисли и к употреблению негодны, а его vareжки давно побиты молью).

¹¹⁷ Клейн Л.С. Спор о варягах. С. 72, 85.

¹¹⁸ Шаскольский И.П. Норманская теория... С. 41–42.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.